

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин

Мне достался мир постоянно воюющий, суровый, где мало улыбок, много хмурого, мало солнца. Обилие талантов и запретов. Я попал в него не в лучшую пору. В этом мире мне, тем не менее, повезло. Мне достались времена трагические, весьма исторические, главное же, от них осталось сокровенное чувство счастья – уцелел!

Выигрыш.

Как человек появляется на свет Божий, как он растет в первые свои годы, как становится человеком – ему самому не ведомо. Начало жизни в памяти у него не остается. Самое важное пропадает. Память о детстве появляется к трем-четырем годам, когда начинается “я”. О первых годах можно узнать по рассказам родителей, нянек, какие-то сценки, словечки... Природа зачем-то прячет от человека самый нежный, сладостный период его жизни. Но для чего? Какой-то смысл это засекречивание имеет, ибо все, что творит природа, не случайно, отнюдь не небрежность, не злокозненность. Как бы то ни было, Д. появился на свет в собственном сознании поздно. Даже не в три, а, скорее, в пять лет. Он застал своего отца старым. Много старше, чем другие отцы. А мать была молодая. Ее рядом с отцом принимали за его дочь. Отец смущался, и Д. страдал за отца. Только когда они оставались вдвоем, жалость к отцу проходила.

И то не сразу. Для этого надо было, чтобы они куда-то шагали. Отец опять становился сильным и неутомимым. То же происходило, когда отец размечал лесосеки, делал зарубки, определял, откуда взялся сухостой, жучок.

Жизнь Д. сложилась не очень обычно с первой минуты появления на свет Божий. Можно сказать, что появился он в самый неподходящий момент. Под Новый год. Прямо на балу. Испортил матери праздник. Ее увезли от стола. Или с танцев. Позже она утверждала, что, несмотря на беременность, танцевала. Она была танцунья, певунья, и Д. мог бы подождать со своим появлением годик-другой. А уж сутки – наверняка. Тем не менее он, словно нарочно, появился именно под Новый год, причем данные расходятся: то ли он все же успел проскочить до боя часов, то ли после.

Я никогда не видел его в младенчестве, но сохранилось несколько фотографий – пухлый, круглоголовый младенец, с довольно смышленными глазами, сильный и, судя по рассказам, имел весьма здоровые легкие.

Рождение в новогоднюю ночь, несомненно, сказалось на его веселом и в то же время задумчивом характере, поскольку под Новый год обычно обновляют надежды, отказываются от вредных привычек, берут всякие обязательства, так и он не раз начинал новую жизнь, в итоге у него набиралось несколько разных жизней.

Несмотря на некоторую досаду, мать была рада его появлению. Он был первенец, и наверняка его можно считать желанным ребенком. Для отца – несомненно. Батюшка торопился закрепить за собой молодую жену. А чем их привяжешь – детьми.

“Брюхатить их надо”, – повторял еще и в шестьдесят, и в семьдесят лет. Как-никак разница у них составляла двадцать пять лет.

С первой женой разницы не было, а с этой приключился большой разницей. Быть желанным ребенком не всегда удается. Потом, может, тебя и полюбят, но важно, как тебя зачинают. Надежды, любовь, которые оба, мужчина и женщина, вкладывают в миг зачатия, многое определяют. Биологи могут не учитывать непосредственного влияния психологии на качество зародыша, но сестры

в родильных домах, те четко различают желанных и нежеланных младенцев. Итак, он был желанным, и это не раз помогало ему, наделило его способностями, здоровьем, я бы даже сказал, удачливостью.

Плодите желанных детей!

Несколько смутных картинок, загадочно-безымянных, вот и все, что имеется в распоряжении Д. о начале его сознания. В течение первых трех лет завершается становление личности. Ибо главное, как считают генетики, закладывается в наследственном коде, который в свою очередь создается в таинственный и прекраснейший миг зачатия новой жизни.

Первая пора детства Д. в основном известна лишь по рассказам родных, отдельные картинки, словечки, выхваченные из тьмы.

Мать была красавицей. В состав ее красоты входили ее голос и фигура.

Д. любил ее голос, наверняка она пела над ним, когда он был еще маленьким, этот чистый высокий голос вошел в него вместе с грудным молоком.

С ее голоса все и началось у отца, когда они еще не были отцом-матерью. Отец был тогда лишь командированным, попавшим в Литву по делам. Шел он по своим делам и услышал в переулочке пение. Он свернул туда, пошел на голос как замороженный... Впрочем, не будем преувеличивать. Не такой уж он был мечтательный юнец, не был он и искателем приключений. Это много позже расцвело в их рассказах: "Услышал, как я пою...", "что-то повело меня...". Думаю, что, скорее всего, он просто плутал, ища в незнакомом городе контору, куда направлялся. Услышал над собой голос, посмотрел вверх и увидел свисающую из окна ножку. Она, ножка с пальчиками, розово просвечивала на солнце. С ножки свисала туфелька. Все это хозяйство принадлежало девице, которая восседала в окне второго этажа, там она шила и пела и болтала голой ногой, вторую поджав под себя.

Ножка была безупречной формы, той самой, которая нравилась Александру, в дальнейшем – Саше. У каждого мужчины к женской ноге есть свои требования. Эта ножка могла претендовать на всеобщий эталон. Будучи выставленной отдельно, она являла бы классический образ. К тому же ножка эта двигалась, видна была до колена и чуть выше. Так что на Сашу действовали и звуковые, и зрительные, и, я бы сказал, эротические силы. Неудивительно, что он застыл перед этими силами с раскрытым ртом. Вид у него был такой, что сверху раздался смех, нога дернулась, туфелька упала перед ним. Далее все развивалось с фатальной неизбежностью. Он поднял туфлю, зашел в подъезд и поднялся в белешвейную мастерскую. Ножка и туфля принадлежали прелестной особе, так показалось ему, все у нее соответствовало голосу. Можно представить себе его вид: провинциал в суконном пиджаке с брезентовым портфелем, в парусиновых туфлях, ошалевший от множества смеющихся женщин, стрекота швейных машинок. Он протянул девице туфельку, девица возьми и поцелуй его, чмокнула в щеку, а он хватя ее и в губы, видно, она чем-то ответила в этом поцелуе, что-то, несомненно, произошло внутри поцелуя, потому что всякий поцелуй имеет свое внутреннее содержание. Отцу помогло то, что он изобразил смешок, – опыт обращения с женским племенем у него был. Вечером они уже гуляли в парке. Девицу звали Анной. Он называл ее Нюрой. Три вечера подряд они куда-нибудь отправлялись. Побывали в кондитерской. Катались на извозчике: шикарный экипаж с фонарями, на красных рессорах, извозчик был с малиновым кушаком.

Пока что знакомство их выглядело забавой. С его стороны – солидный господин, отец семейства, он сам подшучивал над собой. Несомненно, он выбрал правильный тон. Никаких неприличных поползновений. Не было больше ни поцелуев, ни объятий. Он держался с ней по-отечески и покровительственно, она кокетничала вовсю, напевала, хихикала, принимала театральные позы, демонстрируя свои достоинства. Их разделяла целая жизнь. Она была девушкой, он же имел жену, дочь, которые жили в Киеве, то есть бесконечно далеко от нее, от этого литовско-русско-польского города.

Они оба делали вид, что их встречи ничего не значат. Она была из большой бедной семьи с множеством братьев и сестер, где никому до нее не было дела. Во всяком случае, она не спешила домой. Она была белешвейка, у него же как-никак было положение, он работал на лесной бирже, какое-то у него имелось дело, полдела, четвертушка, дохода не было, но прочность была. Перед отъездом он повел ее в наступающий ресторан. Она раздобыла праздничное платье. Сам он был во второй раз в жизни в ресторане, для нее же это было невероятное событие, чудо. Она ахала, не стесняясь своего восторга, вертела хрустальные бокалы, гладела на официантов в черных костюмах.

Конечно, он пускал пыль в глаза этой девочке. Вильна была в те годы провинцией по сравнению с Киевом, а пыль пускал потому, что решение созревало. Сам он о своем решении не знал. Он лишь не хотел отрезветь, опомниться.

Произошло ли объяснение в самом ресторане или позже – неизвестно. Стороны расстались растревоженные... Александр уехал, далее события стали ускоряться. Когда вернулся в семью, стало ясно, что надо разводиться. Будучи человеком дореволюционных понятий, наш герой, вернее, отец нашего героя относился к разводу серьезно, считал это событие не менее ответственным, чем женитьба. Более ответственным. Потому что новая женитьба ничего не требовала, кроме свободы и решимости. Развод же требовал обеспечить прежнюю семью средствами к существованию. Такие у него были понятия. Вообще развод был катастрофой, но катастрофу остановить он не мог. Нужны были деньги, много денег, которых у него не было. Для него, мелкого служащего, сумма неподъемная. Раздобыть – где, как?

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Не было хода назад и не было – вперед. Тут были и другие обстоятельства, неизвестные нам, все они вели

в отчаяние. Вот об отчаянии мы знаем точно из того, что произошло дальше.

Его посылают в Петроград, в командировку. Там у него был приятель, огромный толстяк, выпивоха. Спустя годы Д. еще успел увидеть его и запомнить. Они выпили, и Саша рассказал ему о своей беде. Признался, что готов на себя руки наложить.

Вполне возможно, он уже имел какие-то обязательства перед Анной, мало ли – обещал ей, расстроил ее помолвку с кем-то. А может, все же что-то было между ними, и такое, что по его понятиям не позволило ему отступить. В те времена невинность девушки почему-то высоко ценилась и, соответственно, много для нее значила. Нынешнему человеку даже трудно понять такое трепетное отношение к этому чисто условному препятствию.

Выслушав его признание, приятель предлагает единственное – отправиться в игорный клуб. У Александра имелись при себе казенные деньги для закупок лесосек, вот на эти деньги и сыграть, прежде чем руки на себя накладывать. Логично? Пропадать – так с музыкой! И повел его во Владимирский клуб. То было известное заведение, где действительно гремела музыка, был ресторан, все это состояло при зеленых ломберных столах, при рулетке – короче, при игорном промысле.

Февральская революция 1917 года уже произошла, а рулетка все так же крутилась. О крупнейших исторических событиях современники часто понятия не имеют, много позже они читают об этом в книгах, обнаруживают в кинофильмах – оказывается, рядом что-то происходило.

Старик Меженко, известный библиограф, уверял меня, что Октябрьской революции как таковой не было: “Уверяю вас, я как раз 25 октября 1917 года вечером на извозчике проезжали мимо Зимнего дворца, все было тихо. Посидел в гостях, возвращался через Дворцовую площадь, опять ничего не заметил”.

Во Владимирском клубе играли по-крупному, Александр смотрел-смотрел, да и купил фишек на все казенные деньги, какие ему были выданы, так что переступил. Честь, наработанную репутацию, доверие – все переступил.

Как вы понимаете, поставил на кон свою судьбу, и тут же рядом с его судьбой встала на кон и еще крохотная судьба нашего будущего героя. Обе они принялись уговаривать фортуны. Повязка на глазах мешала ей видеть Александра, может, оно и к лучшему – вид у него был не гусарский. Хотя состояние его передалось, и ему “пошло”. Выигрыш за выигрышем, пока он не достиг нужной ему суммы для развода. На этом он остановился, сгреб все денежки и сбежал.

Как он удержался от продолжения, как обрубил свой азарт... Для игрока это наиболее трудное. Ему помогла любовь.

Итак, отец выиграл развод, а значит, освобождение, значит, молодую жену и новую жизнь. Решил он ее начать на новом месте. Все заново. Выигрыш отдан прежней семье, отец остался на нуле. Но в сорок четыре года он чувствовал себя полным сил, а главное – счастья. Он был свободен и любил. Для этого человека счастьем было любить. Для некоторых важно быть любимым, ему же нужно было иметь, кого любить.

Быстрый крупный выигрыш этого новичка в рулетку говорит о том, что браки действительно заключаются на небесах. Думаю, что занимаются там этим делом не от скуки и не из любопытства, а потому, что, если призадуматься, это есть важнейшее в жизни человека и человечества. Удачные браки создают устойчивость общества, генетический отбор, атмосферу любви и прочие радости. Вы спросите, а как же неудачные браки? Думаю, они тоже нужны. На примере Александра видно, что первый брак его устарел, испортился и, чтобы появился наш герой, нужен был совершенно новый брак. В этом Д. был твердо убежден, поэтому так и способствовал этому еще до своего появления. То, что он появился еще до родов, он был в этом уверен, ибо не представлял себе мира без своего хотя бы незримого присутствия.

Заявил Д. о себе, как я уже говорил, на новогоднем балу. Посреди праздника начались схватки, наш герой, заслышав музыку, звон рюмок, постучался

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru в этот мир. Действия его свидетельствуют не о себялюбии, а скорее – о любопытстве. В дальнейшем дата его рождения вызывала споры, проскочил ли он до боя часов или после, обстоятельство немаловажное при призыве в армию и прочих его делах, оно позволяло ему становиться то старше, то моложе. Рождение в новогоднюю ночь сказало на его характере с постоянным желанием начать жизнь по-новому, без вредных привычек.

Несмотря на срыв мероприятия, мать была рада его появлению. Отец тоже был счастлив безмерно. Ребенок был зачат в разгар их любви, в самый ее романтический период. Александр пребывал в состоянии сказочного принца, который извлек Золушку из бедственного захолустья, выиграл, можно сказать, в рулетку, привез в столицу. Разница лет в ту счастливую пору придавала прелесть их отношениям. Анна не могла опомниться от чудесной перемены своей жизни, от того, что смогла вскружить голову такому серьезному мужчине, из-за нее он бросил семью..

Появлению Д. все обрадовались. Хотя для той эпохи он был ни к чему, поскольку эпоха была не для новорожденных.

Постоянно борются забвение и память, не поймешь, что именно мы забываем, почему этого человека хорошего, умного, мы забываем, а никчемного помним. Что-то памяти удастся отстоять, что-то удастся изъять. Остатки, те, что сохраняются, это и есть – личность, она состоит из воспоминаний и прежде всего детских.

Воспоминания, если угодно, нуждаются в уходе... Их полезно перетряхивать, освежать, осмысливать, особенно ранние. Неслучайно Лев Толстой начал свою работу с рассказа о детстве. В двадцать восемь лет он занялся воспоминаниями, тем, чем обычно кончают. Максим Горький стал писать “Детство”

в сорок пять лет. А Михаил Зощенко писал “Перед восходом солнца” в сорок девять лет и долго мучался, пытаясь восстановить самую раннюю память свою, прапамять. И в этом деле добился редких результатов, это был удачный опыт такого рода реставрации памяти. Однако думается, что работы его были бы тем легче, чем раньше он занялся бы ими.

Любимец Мнемозины Владимир Набоков лучшим способом доказал, что детство – родина писателя. “Другие берега” выстроены из сокровищ детской памяти, это торжество детской памяти. Каким-то чудом он сохранил свежесть ее красок, запахов, ощущений.

“Перед моими глазами, как и перед материнскими, ширился огромный,

в синем сборчатом ватнике кучерский зад с путевыми часами в кожаной оправе на кушаке, они показывали двадцать минут третьего”. Окончание фразы должно подтвердить фотографическое устройство набоковской памяти.

Однажды, будучи в США, в Канзасском университете, я разговорился с бывшим приятелем В. Набокова. Он рассказал любопытные подробности, как Набоков ухаживал за своей памятью, можно сказать, лелеял ее. К примеру, в годы своей жизни в США, а затем в Швейцарии, он не обзаводился собственной мебелью, книгами. Жизнь в гостиницах, пансионатах позволяла это. Он всячески избегал приобретать вещи – они, как он считал, отнимают память. Он старался сохранять мир своего детства во всех микроподробностях нетронутым.

Что касается моего героя, он растранил свою память, у него осталось лишь несколько бессвязных картинок, клочки. То, что происходило между ними, – неизвестно.

Спустя три года после рождения мы застаем нашего героя в деревне Кошкино. Отец его занимался там лесозаготовками для Петрограда, который в те времена отапливался исключительно дровами. Леса окрестных губерний сводились на дровишки. Эшелоны шли к столице. И зимой, и летом. Ибо летом тоже топили плиты, на них готовили пищу.

От Кошкина сохранилась в памяти всего одна картина: к окну на лодке подплывает отец. Диковинная, как сон. Долгое время она так и висела, отдельная, непонятная, ничего кругом, только окно, у окна Д. с кем-то, и на лодке подгребают отец. Во взрослости, уже старея, Д. вдруг попробовал выяснить, что же это могло значить, каков смысл этого видения? Оказалось, что так действительно было, в деревне

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Кошкино произошло наводнение, и отец приплыл на лодке, взял их из избы и увез. Его трехлетнего. Пожалуй, это было самое раннее воспоминание. Ничего из детства до этого он не помнил. Может, что и было, но, как и большинство людей, он запустил свои воспоминания, они заросли, заглохли. В силу необычности осталась лодка у окна – ошеломление памяти.

За первой картинкой следовали с неизвестными промежутками:

...Лошадь обмерзлая, мохнато-седая от инея, пока ее запрягали, он общипывает намерзшие на нее сосульки...

...Собака воеет, кидается на дверь, мать выпускает ее, она мчится в ночь, потом прибегает назад, тащит мать, та идет за ней и находит отца на дороге. Он бредет, опираясь на ружье. Оказалось, когда он возвращался, за санями погнались волки, лошадь понесла, сани перевернулись, отец подвернул ногу...

...Горы опилок вокруг пилорамы. Лучшее место для игр. Вместо песка песочницы – пахучие опилки. Внутри, когда зароешься поглубже, они теплые, еще глубже – горячие. Опилки лежат слоями: желтые, белые, красноватые, кремовые, коричневые, смотря что пилили...

...Рейки, которыми сражались, рейки-пики, рейки-шпаги.

...Лыжи, сделанные отцом, с веревочками, с палками, а на палке – деревянные кружочки, а лыжи – широкие, натертые свечкой.

Картинки следуют все чаще, пока не сливаются уже в связанные воспоминания. Примерно отсюда можно было начинать рассказ о детстве. И далее переходить к истории формирования моего героя, которая, пока она не написана, кажется интересной для всего человечества, на все времена. Таково преимущество ненаписанных вещей, они всегда хороши.

Однако, разглядывая разные сценки, я, несмотря на нетерпение героя, вижу не столько его, сколько его родителей.

Уехав из Петрограда, они перемещались из одного лесничества в другое. Гражданская война полыхала поблизости, заглядывала светом пожаров. Налетали банды: то белые, то красные, то зеленые; наверняка происходило что-то значительное, можно сказать, историческое, о чем герой мой не знает, потому что не расспрашивал, он упивался своей ребячьей жизнью, считая ее несравнимо интереснее, чем все то, что происходило с родителями, да и со всей страной.

ХОМИНГ

Хоминг – нахождение дороги – необъяснимая способность, присущая птицам, позволяет им совершать перелеты в тысячи километров, безошибочно находить свои места гнездовий, зимовок. Той же способностью обладают рыбы, некоторые млекопитающие, некоторые насекомые во время роения. А человек, “царь природы”, этого лишен.

* * *

У Эйнштейна есть несколько высказываний о природе научного познания. Это – одно из самых глубоких и точных: “важнейшее чувство ученого – ощущение тайны”.

В нем он видел источник истинной науки: “Тот, кто не знает этого чувства, кто не в состоянии удивляться и застывать в благоговении, все равно что мертв”.

* * *

Разум наш то, что не сумел объяснить, отринул, заклеил абсурдом: вещие сны, предчувствия, привидения, колдунов, заговоры, гадания, хиромантию, астрологию...

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Все это объявлено вне закона, выброшено за пределы науки.

* * *

Время от времени ему снился песчаный пустынный пляж, солнце, он идет и видит перед собою след – отпечаток одной босой человеческой ноги. Одной!

И больше ничего, кругом нее чистый плотный песок. Ступил ангел, передумал и улетел. Сон повторялся годами.

Выигрыш

Первые годы были для молодой жены интересны. Укрытая в деревенской глуши от питерского голода, от грабежей, очередей и прочих невзгод, она с живым чувством отдалась деревенской жизни незнакомой страны, незнакомому быту и быстро приспособилась. Помогали и красота, и певучий голос ее,

и мужняя практичность. Он занимался делом, которое всегда ценилось в деревне, – изготавливал главный строительный материал. Кирпич, конечно, тоже нужен был на печи, но лес – больше – во всех видах.

Нюра училась выпекать хлеб, делать кокорки – вкуснейшие ржаные лепешки с творогом, морковью, собирала ягоды, варила варенье, солила грибы, огурцы, огородничала.

Был в памяти Д. один недеревенский праздник. Если аккуратно сложить все кусочки, продолжить смутные линии, по местам распределить краски того солнечного дня, то появится большой дом с колоннами, огромная веранда, застекленная цветными стеклышками. Длинный праздничный стол, накрытый белой крахмальной скатертью. Праздник происходил в помещицьем доме. Следовательно, поблизости оставалась неразгромленная, несожженная усадьба. Принимал отца и мать не управляющий, а сам помещик, это тоже известно по тому, что об этом долго говорили в семье. О том, как он почему-то уцелел, почему-то живет в этом доме, почему-то его не трогают. Приглашен же отец был для игры в преферанс. В результате Гражданской войны наступил дефицит партнеров.

Впервые Д. видел роскошь, да еще в действии. Большую керосиновую люстру. Полотняные салфетки. Мать пела под гитару русские и польские романсы. Мужчины играли в карты. Даже если это происходило в двадцатые годы, все равно это было чудо, потому что, согласно “Краткому курсу истории партии”, главная задача работы в деревне была “всемерное кооперирование крестьянских масс”. Следовательно, шла кооперация, изгоняли дворян, а в детской памяти ничего подобного найти не удастся. Вместо этого блестит огромный самовар на столе, стоит фарфоровая сахарница со щипцами, и разноцветные стекла веранды дробят долгое летнее солнце так, что повсюду горят на лицах, на белом пиджаке отца цветные пятна.

Хозяин был громадный, с громадным смехом и громадным голосом. Д. назвал его “дядя Пу”. Появился он вновь спустя несколько лет, в Питере, когда отец уже был выслан, а этот сохранился такой же громкий, барственно-веселый.

Отца Д. считал всемогущим, он командовал пилорамой, огромным и страшным сооружением. Он был неутомим в ходьбе, мог шагать с утра до вечера мелкой своей, неторопкой походкой.

Первые годы, беря сына с собой, он через час-другой оставлял его у ближних смолокуров, лесорубов.

Особенно утомительно было хождение по железнодорожным путям. Дорог лесных не хватало, и в дальние лесосеки ходили, делая крюк, по шпалам железной дороги. Смоляные шпалы лежали неровно, сбивая шаг. Отца почему-то это не беспокоило, он шел себе и шел. Беда матери была в том, что она не видела мужа ни в лесу, ни в дороге, ни в работе. Там он был хорош, там его чтили, там им можно было любоваться.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Деревенская здоровая жизнь шла матери на пользу. Она расцветала с каждым годом. Чувствовала это, понимала свою наружность. А наружность ее все же была нездешняя: черты лица тонкие, волосы пышные, талия тоже не деревенская, крутая, да и вся ее походка; ее руки, хоть и загрубелые, но для другой, деликатной работы, пальцы длинные, гибкие. Более же всего выделяло ее умение красиво одеться, что бы ни надела, обязательно не так, как все носят: то косыночкой украсит, то кружевом, и самая затрапезка на ней нарядна. Вкус сказывался. И никак ей было не смешаться, не раствориться в деревенской жизни. Отец рядом с ней – мужичок. Хотя он ростом не уступал, но как она встанет на каблучки, так кажется выше. Может, от его коренастости: плечи широкие, ноги чуть кривоватые, шея крепкая, носа было много, и загар постоянный от зимних ветров и морозов, от костров. Тело белое, а руки, шея, лицо – медные.

Имей они хозяйство, свою избу, свой огород, свою живность, даже без поля, все равно это втянуло бы ее в настоящую деревенскую жизнь. А так у служащего человека положение непрочное: сегодня здесь, завтра перекинут в другой леспромхоз, все время шла реорганизация, сокращение, сокращение происходило со времен революции постоянно. Главные приметы советской власти – очереди, лозунги и сокращение штатов.

Изба была казенной, огород тоже. И лошадь казенная. Своего немного: несколько книг, справочников по лесному хозяйству, сапоги, одежонка. Машинка швейная ручная для матери была куплена, и на ней шились первые костюмчики сыну. Машинка была богатством.

Жили весело. От того, что нить жизни легко рвалась в те годы, от этого спешили радоваться, гуляли крепко, бояться как следует еще не научились, поэтому гостей много было и сами в гости ходили.

На престольные праздники ехали в соответственную деревню, где храм был в честь своего святого, отца всюду зазывали, привечали. Вели от одного

к другому. Всюду самогон, пироги, песни.

Отец на праздниках был при галстук и пиджаке.

Д. помнит рубашки отца: серые, немаркие, с пристяжными воротничками, и одну белую, выходную. Помнит золоченые запонки отцовские, бритву его, помазок, запах отцовского мыла. Прочно отпечатаны в памяти дощатые половицы, устланные полосатыми грубооткаными половиками.

Особенно хорош был субботний вечер, когда они с отцом возвращались из бани. Баня была в огороде, внизу у речки. Топили не “по-черному”. Парились там крепко. Д. спасался внизу, подняться на полку не мог. Мужики наверху настегивали друг дружку, потом выбегали на улицу, раскаленные, пар от них шел, – и в речку. Страшно было видеть, когда зимой они бухались в снежный сугроб. После бани, с узелками, распаренные, причесанные, умиротворенные, поднимались к дому – и за стол. В доме было все прибрано, полы свежевывмыты, выскоблены, можно на таком субботнем полу лежать, играть, никто не скажет: “Встань, чего на грязном разлегся”.

Отец любил тогда выпить, закусить. Что тянуло к нему людей? Может, добродушие. Скорее же всего – уютность. Рядом с ним можно было расслабиться. Выпив, отец тоже расслаблялся, смеялся, шутил, а сильно захмелев, уходил спать. При мирном своем характере он был спорщик. Причем азартный. Однажды

на Масленицу он заспорил с кузнецом, кто больше съест блинов. Оба они чуть не погибли, не желая уступить.

Нормальное состояние детства – счастье. Огорчения, слезы и наказания – все быстро смывается счастьем. Ты беззащитен, поэтому тебя все любят, мир еще полон родных, полон открытий, удивлений и приключений.

Азарт спорщика Д., видимо, унаследовал.

На реке, где протекала летняя жизнь, зашел спор, кто дальше пронырнет.

А чтобы точно замерить, решили нырять с гонок, то есть с плотов, и пробираться

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru под ними, пока хватит воздуха. Так и сделали. Д., нырнув под бревна, решил не перебирать их руками, а поплыть, для этого загрести вниз. Поплыл, но, видно, там, внизу, поплыл не по прямой, потому что, когда почувствовал, что “воздух кончается”, стал выныривать, стукнулся головой о бревна, потерял ориентацию. Плышет, перебирает руками скользкие бревна, и никак они не кончаются. Темно, просвета нет, заметался он под бревнами, не выплыть ему, стучит в бревна, так ведь не достучишься, не раздвинуть их. Гонки стояли вдоль берега, перевязанные плот за плотом, длинные-предлинные. Гонщики себе шалаш на нем сладили, сидели там и, услышав ребячий голоса, почувствовали что-то неладное. Вытащили Д., еле откачали, отлежался он на берегу, растерли его самогоном, но, главное, никто не сказал родителям, ни ребячьи, ни взрослые не выдали.

На спор многое делалось. Прыгали с сараев, ходили ночью в горелый дом. Самое же страшное было лечь под поезд между рельсами.

На железнодорожную ветку, где грузили платформы пиленным лесом, укладывали шпалы, доски, приходили паровозики, надрываясь, тащили платформы на разъезд, чтобы прицеплять их к составу. Под этот паровозик с платформой и ложились. Как сцепщик уйдет, так нырк между колесами и лежи. Под платформой не страшно, страх весь – от паровоза, когда он над тобой идет, обдавая тебя жаром, дымом, запахом масла, грохотом огромных своих колес. Малышня этим довольствовалась, те, кто постарше, лет восемь, те ложились на главный путь под большой состав. Отказаться было нельзя. Взрослые не представляют себе жестокость детских порядков и принуждений. Армейская принуда слабее детской. В армии тебя накажут, у детей тебя отлучат, что ужасней. Отлучат, презирают.

Надо было перед самым идущим поездом выскочить на дорогу и лечь руки по швам, машинист уже не мог затормозить, и весь состав пронесся над тобой. Ложились под товарные поезда. Под пассажирские не принято было. Машинисты ругались. Пытались проучить, высыпали горячую золу, если успевали. Заводилой был Петька Хромой. Ему ступню перерезало при такой выходке, он ловко прыгал на одной ноге или хромал с костылем.

Был он сыном хозяина чайной. На чайной висела вывеска, где был нарисован самовар с бубликами. Петька верховодил по праву. Он сочинял игры, сочинял всевозможные истории. Проводил соревнования по прыжкам, по бегу, по бросанию камней в цель, целые олимпийские программы. Притом был диктатор. Награждал чемпионов баранками. Отец у него был красавец, могучий мужик, он клал жердину на плечи, как коромысло, вся ребячья повисала

с обеих сторон на эту жердь, и он нес их по улице.

Их раскулачили первыми. Погрузили на телегу всю семью и увезли в район, а потом, говорят, выслали. Чайную сделали казенной, там сразу вместо чая стали подавать водку. Граммофон куда-то исчез, баранки тоже, а потом чайная сгорела.

Тот момент, когда их погрузили с узлами в телегу и все заплакали – мать Петькина кричала, билась, муж держал ее за руки, – запомнился крепко. Петька обошел друзей, каждому из мальчишек по-взрослому пожал руку, пожал и Д., сплюнул сквозь зубы.

Это у Д. было первое столкновение с ликвидацией кулачества. Нормальное детство аполитично. Бедность и богатство в те годы никак не сказывались на ребячьей жизни.

На следующий год семья переехала в другой леспромхоз. Там были тоже лесозавод, лесная биржа, но не такая глушь. Жили на полустанке Кневицы, кажется, километрах в сорока от Старой Руссы. Возможно, на переезде настояла мать. Она все больше тяготилась сельским захолустьем. Ее тянуло в город. Каждый вечер, в восемь часов, заходя, она отправлялась на перрон к питерскому поезду. Приходил туда весь “высший свет” поселка: учитель, фельдшер, бухгалтер лесозавода, почтарь, являлись с женами, приодетые, особенно по воскресеньям, гуляли по высокой дощатой платформе, постукивая каблучками. Гармонист играл. Молодые пели. Выходил начальник разъезда в фуражке, милиционер в белой гимнастерке. Курили, общались, новости местные обсуждали. Нечто вроде клуба. Как позже на курорте старорусском, где ходили по галерее, попивая целебную водичку, здесь вместо водички лушили семечки подсолнечные, тыквенные. Иногда угощали друг друга монпансье из желтых круглых баночек.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

Приближался поезд. Стоял он минуту. Редко кто приезжал или уезжал. Скидывали мешок с почтой, посылками. Пассажиры глядели на местных, те на них. За зеркальными окнами вагонов стояли бутылки вина, кто-то, лежа, с верхней полки лениво обегал глазами эту туземную публику, были вагоны мягкие, там висели бархатные занавески, люди смотрели оттуда безулыбчиво, строго. Короткий гудок, и поезд трогался. Глядели ему вслед, пока красные глазки последнего вагона не исчезали вдали. Расходились притихшие.

Почему-то думается, что эти поезда волновали мать. Звали ее куда-то.

У Блока точно схвачена эта тоска полустанков:

Бывало, шла походкой чинною

На шум и свист за ближним лесом.

Всю обойдя платформу длинную,

Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих –

Нежней румянец, круче локон:

Быть может, кто из проезжающих

Посмотрит пристальней из окон...

Мотив проходящего мимо поезда повторялся у многих русских писателей. Можно вспомнить Катюшу Маслову, которая, стоя на платформе маленькой станции, видит в окне освещенного купе Нехлюдова в бархатном кресле.

Когда Д. впервые прочел Блока “Под насыпью...”, ему сразу привиделся их разъезд и мать. Не разобрать было, что она говорила. Лицо ее белело смутно. Унесенное временем, оно глухо напоминало о том, что было еще что-то важное...

Вспоминая, обязательно присочинишь, если удастся извлечь из-под слоев позднейших красок подлинник, он оказывается куда невзрачнее...

Переезд в Старую Руссу не принес отцу никаких льгот. Вообще стоит заметить, что вся трудовая деятельность отца ознаменована не повышениями по службе, а перемещениями. Повышений не было. Ступенек не было. Была смена лесов, леса нарвские, кингисеппские, псковские, новгородские, затем сибирские.

Из Старой Руссы отцу приходилось мотаться в леспромхозы поездами, а затем на попутках. Д. уже не мог сопровождать его по лесным делам. Старая Русса из русских уездных городов – звезда первой величины. Город старинный, старше Новгорода, и курорт там замечательный, да и просто красивый, культурный город. Там поселился Ф. М. Достоевский в последние годы своей жизни. Нравилось ему здесь. Город и впрямь был хорош. Прежде всего – курортный парк, рядом с которым получил отец квартиру. Парк был огорожен, поскольку посещение было платное. Но всякая ограда имеет дырки. Д. со своей компанией постоянно болтался в парке. Больше всего их привлекала купальня. Тоже закрытая, исключительно для курортников. Купальня была выгорожена на озере. Вода в озере соленая-пресоленая, минеральная, считалась она целебной.

Плавать его научил отец. Бросил с крутого берега в реку, и вся недолга. Напугал, Д., крича, барахтался в ужасе, захлебываясь, но вдруг ощутил, что держится на воде. Ужаса было не так много, больше крика. Отец в трусах, смеясь, стоял на берегу, а он плавал хорошо и саженками, и лягушкой. Несколько раз он учил сына, показывал, поддерживал рукой – бесполезно. Бросил, и все само получилось. С той минуты началась водяная жизнь Д., которая пошла рядом с земной, пешеходной, сидячей жизнью. Реки, речонки, озера, моря, заливы, океаны, зимой – бассейны, и всегда это была радость.

Полноту жизни Д. ощущал почему-то на воде. Точнее, в воде. Особое чувство вызывало море, его волны вступали сразу в отношения с пловцом,

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

с ними надо ладить, считаться с их настроением. До какой-то поры с ними можно было затевать игры. Он бежал на них, подныривал, бегал от них. В ту пору не было серфинга, но и без него можно было качаться в набегающей волне, скатываться с нее...

Вода – это еще и пляжная жизнь. В юности и позже прогулки между лежащими женщинами; они рассматривают тебя, а ты – их. Знакомства, интересные тем, что ты знакомишься с натуральной женщиной, а потом у входа с пляжа появляется совсем иная – одетая, накрашенная. Преображенная платьем, которое уже говорило о вкусе, о деньгах, укрыв жизнь тела, создание природы.

Вода детства всегда до озноба, до дрожи и синева, потому что вылезать так же неохота, как неохота идти спать.

Еще отец научил его играть в шахматы, научил затачивать ножи, бритву, научил бесшумно ходить по лесу, запоминать дорогу, познакомил с лесной жизнью, попозже хотел научить играть в преферанс, еще во что-то, но у Д. к картам интереса не было, существовало даже инстинктивное отторжение. Откуда оно взялось? Законы наследственности не всегда так арифметически просты, изящны, как это когда-то открылось Георгию Менделю, наблюдателю гороховой жизни. Почему иногда из поколения в поколение наследуется любовь к гречневой каше так же, как форма носа и глаз, а иногда вылезает такой носище, черт его знает, где он хранился, в каком колене предков.

Однажды отец взял Д. с собой в поездку на железнодорожной дрезине. Ехали на ней вручную, то есть “качали” рычаг, и платформочка эта катилась по рельсам. Быстро, куда быстрее, чем пешком. Хорошо на дрезине, ветер в лицо пахучий, земляничный, потому что на откосах насыпи самое раздолье земляничное. На дрезине доехали до следующей станции, чтобы не ждать поезда четыре часа, загнали ее на ветку и по ветке еще отмахали километров пять. Там пересели на телегу, на телеге трюхали долго, но тоже весело, особенно через деревню ехать; Д. дают править, и еще у него есть обязанность открывать и закрывать ворота на деревенской околице. Ворота жердяные, они лубяным кольцом закрываются или щеколдой... По ребячьей нетерпелке важно открыть, вскочить на телегу, а закрыть не обязательно – никого нет кругом, но отец строго соблюдал уважительное правило и при выезде. Добрались они до деревни, где когда-то жили. Д. узнал высокий зеленый дом, Петькину чайную, теперь там была кооперативная столовка, торговали больше водкой стаканами и пивом, закусывая моченым горохом, селедкой с хлебом. Кругом чайной стало грязно, забор сломали, палисадник зарос крапивой.

Так у Д. появилось первое сожаление о прошлом, назад он ехал грустный, даже когда давали ему качать дрезину, это не радовало. Неосознанно ощутил он порчу времени.

На пне свежеспиленной сосны, отец называл ее кондовой, среди годовых колец химическим карандашом отец пометил год своего рождения, год рождения матери и, наконец, наружное кольцо появления на свет Д. “Видишь, твое самое большое”, – сказал отец. Что это означало, не пояснил, он иногда бросал фразы, словно неоконченные. Д. нравилась наглядность этой картины: кольцо за кольцом на желто-красной древесине, с блестящими каплями смолы, кружок отца – тогда сосна была еще тоненькой, никак это не вязалось с возрастом отца, с его кряжистой фигурой, с его сединой, и то, что в материнский год сосна была уже крепкой, бревенчатой, все полагалось бы наоборот. Однажды, спустя годы, он поймал себя на том, что, надевая свитер, растягивает ворот так, как это делал отец, тем же жестом, и подумал, что в нем живет много отцовского, вдруг вспомнил тот пень и слова отца. Большое свое кольцо, а внутри него отцовское и второе, мамино. Они оба спрятаны в нем, они оба составляют его нынешнего, их не вынуть, не отделить.

По вечерам в старорусском парке играл духовой оркестр. Оркестранты сидели в раковине, слушатели – на длинных белых скамейках. Играли марши, вальсы и что-то посерьезнее. Однажды он увидел, как с матерью разговаривает дирижер; длинные волосы его спускались на белый отложной воротничок, когда он дирижировал, он встряхивал головой, мотался во все стороны. Д. замечал, что оркестр на него не смотрит, играет, казалось бы, сам по себе, зачем он тут машет перед публикой, наверняка чтобы произвести впечатление. Дирижер брал мать за руку, прижимал к своей груди, уговаривал выступить, спеть. Несколько раз он приходил к ним домой, когда отец уезжал, давал Д. две тянучки в кульке. Всякий раз – две коричневые

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru тянучки в большом бумажном кульке и бесцеремонно выталкивал его на улицу. Со своей компанией в один из музыкальных вечеров Д. спрятался у эстрады за кусты, и посередине игры из рогаток они стали обстреливать этого дирижера горохом.

Потом была другая диверсия. Раздобыли лимон и принялись есть его, кривясь от кислоты. Кто-то им посоветовал, или откуда-то они узнали, но действительно, некоторые музыканты вынули изо рта мундштуки своих труб, такая слюна у них пошла, глядя на мальчишечьи гримасы.

Несколько раз мать гуляла с дирижером под руку по большому курортному кругу мимо Муравьевского фонтана, и Д. видел, как ей нравится блистать в его обществе, поскольку дирижер был героем сезона у местных дам. Однажды ее уговорили, и она спела под гитару, но не с эстрады, а на террасе санатория. Пела она те же романсы, что напевала дома, но в полный голос. Для Д. это было в новинку. Матери аплодировали, вызывали на бис, и от этого ему казалось, что мать поет лучше, чем всегда. Белые колонны террасы, оранжевая гитара, мать в черном, шелковом, туго обтягивающем платье с глубоким вырезом и голубой ленточкой на шее.

Отец, узнав про дирижера, запретил ей выступать. Мать – ни в какую. Скандал был тихий, Д. уже лежал в кровати, они думали, что он спит. Слушал и отца, и мать и не знал, чью сторону принять. Дирижер ему не нравился, не понравилось, как он держал мать за руку, но Д. вспоминал, как матери хлопали, концерт ей устроил этот дирижер, как она была счастлива в тот вечер, и понимал ее слезы. Слышно было, как отец упрекал ее за то, что она стесняется с ним ходить вечером в парк, и Д. переходил на сторону отца. Мать плакала,

и Д. тоже плакал в подушку.

Спали в одной комнате. Ночью его разбудил их отчаянный шепот, они продолжали ссориться. И тут Д. услышал, как мать выговаривала отцу за какую-то женщину в деревне. Что там у отца с этой женщиной, Д. не понял, поэтому и запомнил, запомнилось все, что непонятно. Просил прощения, что ли, и, как тогда определил Д. на своем языке, – подлизывался. Мать держалась непримиримо. Что-то творилось в темноте странное, впервые отец вел себя униженно. Было жалко его. Все, что происходило той летней ночью, спрятано было в памяти на многие годы, вдруг после войны однажды он позволил себе приоткрыть то давнее. Оно сохранилось нетронутым вплоть до запаха сеника, стрекота сверчка... Не было в живых уже ни отца, ни матери, сохранился их горячий шепот, все стало понятно и нестерпимо жаль обоих.

* * *

Я все оглядываюсь на время, только вот время на меня не оглядывается.

* * *

Одни боролись с культом, другие теперь спорят, как надо было бороться.

* * *

– Кто за эту штуку. Прошу поднять руку...

* * *

– Только встанем – подравняйся! Только ляжем – подымайся!

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

* * *

Она все хотела понять мир, с которым была обручена.

* * *

Трение с этим миром изнашивает человека. Беседуешь со стариками, и оказывается – мало у кого из них была радость мирной жизни, не наслаждался ею почти никто.

* * *

Он смотрел в этот мир как в зеркало, повсюду видел себя.

Зеркало, оно позволяет видеть только то, что позади, а не то, что впереди.

Выигрыш

Отца перевели в Ленинград. Много позже мать как-то упомянула переулок рядом с французской церковью, где они поселились. Д. пошел туда, уверенный, что сам найдет их жилье. Долго он вглядывался в эти каменные многоэтажные дома. Ничего не возникало, начисто. Зато вспомнилось другое, одно из самых первых городских событий.

Была Женька, их домработница. Саму Женьку Д. не помнит, помнит лишь то, как она водила его в ближайший сквер гулять и там он пел какую-то нехитрую песенку тех времен, может “Кирпичики”, а может “Маруся отравилась”, при этом танцевал. Очевидно, Женька выучила его этому. Она ходила с ним по скверу, подводила к скоплению мамаш и детей, и Д. начинал там свое представление. Женька же обходила зрителей и собирала денежку в его шапочку. Д. свою роль выполнял с удовольствием. Женька тоже была довольна приработком. Номер пользовался успехом. Малыш, одетый вполне прилично, кажется в матросский костюмчик, работал на тонкий психологический расчет: мать, то есть Женька, она, значит, заботилась о дитяти, сама – в драном платье, а ребеночек ухожен, подстрижен, умыт, и вот он своим ангельским голоском поет:

Пускай могила меня накажет

За то, что я тебя люблю.

Но я могилы не боюсь,

Кого люблю и с тем умру...

Слушатели хохотали и щедро награждали его.

Женька строго наказала Д. дома не рассказывать, за это она покупала ему мороженое. Восхитительное, белое или розовое, стиснутое двумя белыми вафельками, оно вылизывалось со всех сторон, а потом заедалось этими самыми кружочками. Мороженое послужило Женьке оправданием, когда ее антреприза случайно обнаружилась. Женька заявила: “А как же, надо дитю полакомиться, на него старалась”.

От позора мать разрыдалась, назвала Женьку эксплуататором детей. Женька, в свою очередь, выдала ей про неблагодарность: может, дите мог артистом стать, а теперь неизвестно.

Более всего мать уязвило, что ее сына могли принять за нищего. На что Женька говорила что-то о пролетариате, так впоследствии домашние описывали их диспут. Но нас интересует другое, то, как Д. легко пошел на обман, как он слушал расспросы матери о прогулке и ответы Женьки. Даже если принимал это как условие

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru игры, все равно привкус лжи сталкивался со вкусом мороженого, и мороженое побеждало. Правда всегда примитивна, ложь требует искусства, маленькая или большая ложь, неважно, размеры роли не играют, ложь нуждается в правдоподобию, увя, она не самостоятельна. Некоторые считают, что соврать легко, но утаить правду не значит создать настоящую ложь. Ложь, как сочинение, ей нужны детали, живописные подробности, качественная ложь требует вдохновения.

Когда пришли гости, мать рассказала историю с Женькой. Гостям, конечно, захотелось прослушать концертные номера в натуре. Поставили Д. на стул и попросили петь, Д. застеснялся – публика другая.

– Нет уж, давай, для Женьки – мог, а для нас – не хочешь? – сказали гости.

Надо было заплакать, тогда бы они отцепились, беда в том, что плакать он не любил. Пришлось петь снова “Над озером пляшут стрекозы”, потом “Вот умру я, умру я”. Так, как в сквере, не получалось. Там можно было плясать, махать руками. На стуле не покружишься. Еще там пелось весело, здесь почему-то веселья не получалось. Мороженое он не получил, денег матери тоже не кидали в шапку.

В те годы музыканты и певцы ходили по дворам, играли на гитарах, флейтах, гармониях, реже с шарманкой. И конечно, пели. Не было микрофонов-усилителей, а слышимость почему-то была отличной. Питерские дворы имели такое свойство. Может, конечно, слух у населения не был подпорчен. Тоже вполне объяснимо, слух был не на первобытном уровне. Например, Ленин

с балкона дворца Кшесинской обращался к трудящимся с речью. Сегодня, даже ночью, когда трамваи не ходят, если стоять прямо под балконом, не много из его тезисов услышишь. Непонятно, как удавалось ораторам своим натуральным голосом на улицах и площадях собирать толпы.

Окна распахивались, жильцы ложились на подоконники, слушали. Вместо аплодисментов бросали музыкантам завернутые в газету медяки, гривенники. Если бросали щедро, концерт продолжался. Мать любила бродячих исполнителей, их дуэты, солистов, подпевала им.

Д. получил право пастись во дворе, мог вместе с малышами собирать летящую из окон мелочь, сверху кричали, заказывали “Мурку”, “Цыпленка”.

Двор соединял воедино огромную шестиэтажную домину с множеством парадных, черных ходов, подвалов, чердаков, дворников. Был старший дворник Мустафа и над ним управдом. Мустафа чтит отца Д. за его лесную жизнь и полезную профессию. Отец мог на глаз определить, сколько кубометров дров привезли на телеге, чего там навалено – липа, осина, вяз, ольха, рябина и всякой прочей породы. Супругу же Мустафа недолюбливал за несоответствие отцу.

Среди застиранных блузок, кацавеек, суконных юбок, серой невзрачности она выделялась своими сарафанами, голыми загорелыми плечами, платочками, из ситчика мастерил себе ежедневную праздничность. Не стесняясь, постукивала высокими каблукками, блестящими шелковыми чулочками, лакированная сумочка.

Часто во двор приходили старик-скрипач, девушка-подросток и с ними большая собака. Она смиренно сидела у ног скрипача, сторожила скрипичный футляр, куда кидали деньги.

Матери нравился их репертуар: городские романсы, любовные, трогательно-простые.

Однажды мать спустилась к ним во двор, поговорила о чем-то со стариком и, прихватив с собою Д., отправилась с ними в соседний двор.

Пели они дуэтом. Мать приобняла девушку, голос у матери звучал в полную силу, вырвался на простор, заполнил весь каменный колодец двора, дома она никогда так не пела.

Они посетили еще двор и еще, успех был большой, судя по тому, сколько им накидали. Старик уговаривал ее пойти с ними дальше, обещал половину выручки. Мать была счастлива, напелась вволю. По дороге домой, смеясь, сказала Д.:

– Это ты виноват. Ты пример подал.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

После этой выходки у Д. появилась тревога, что мать сорвется и уйдет с певцами бродить по дворам.

Зачем, зачем вы слово дали,

Когда не можете любить.

Наверно, вы про то не знали,

Что я могу себя сгубить.

Пела она с таким чувством, что Д. считал, что все это про нее и про кого-то, кто обманывает ее и сгубит.

В романсах кто-то покидал ее, уезжал, она страдала от тоски, жгла в камине его письма, чахла и болела, мечтала о встрече. Правда, иногда этот “кто-то” предлагал ей какие-то сокровища, обещал любить вечно.

Ах, лучше б тебя не встречала

И не любила б тебя,

Сердце б мое не страдало,

И счастлива век я была.

* * *

Потом появился другой дом, огромный, куда они переехали, по-видимому, благодаря отцовскому начальнику. Очень ему нравился отец. Отец многих привлекал своей добротой, доверчивой приветливостью. К нему приходили не то чтобы посоветоваться, что он мог посоветовать, скорее – выговориться. Он слушал, он умел слушать сочувственно, всей душой вникая в суть дела. Бывает, что это человеку нужнее, чем реальная помощь. Можно считать, что Д. унаследовал эту отцовскую черту.

Впоследствии Д. извлек из памяти какие-то мелочи, всплывали они случайно, то словечко, то жест знакомый, будоража что-то давнее, когда-то непонятное, постепенно возникало другое предложение: в получении этой роскошной квартиры была замешана и мать. Скажем мягче – свою роль сыграла и мать. Ибо этот начальник бывал на старой квартире, и все чаще. Он играл на гитаре, а мать пела. Квартира была большая. В то время эти барские квартиры в доходных домах государство реквизирировало и раздавало разным организациям. Шесть комнат, из них одно зало. Комнаты большие, большая кухня с плитой, кладовка. Главные парадные комнаты окнами – на улицу, другие – во двор.

Прелестью был простор. По квартире можно было бегать, нестись во всю мочь по коридору. Вскоре приехала из Киева дочь отца, сводная сестра Д. Она поступила в медицинский институт, жила в общежитии, приходила в гости. С Д. они играли в зале в кегли. Катали по паркету шары, такой это был большой зал.

Кроме квартиры Д. обитал во дворе. Двор был с вонючей помойкой, с крысами, с развешанным бельем, местными пьяницами, чудиками, сплетнями. Двор был грязен, на него выходили черные ходы всех парадных подъездов. Двор жил с утра до вечера своей трудовой жизнью. Здесь кололи дрова, пилили, в прачечной стирали, кипятили, приезжали телеги разгружать помойку. Шла и нетрудовая жизнь – под вечер сидели на лавочках женщины, болтали. Игры тех лет, позабытые, ушедшие из жизни. Медные монеты были тяжелые, играли в “выбивку”. Д. был мастером выбивать тяжелым медным пятакон так, чтобы перевернуть монеты вверх гербом. Другая игра была “в стенку”. Играли в “чижика”. Но больше любили играть в подвижные игры, командные – в лапту,

в игру, которая почему-то называлась “штандер”, в “казаки-разбойники”.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

Детвора дворовая имела свой неписанный устав или, вернее, кодекс поведения. Д. испытал на себе опасность прослыть маменькиным сынком. Их дразнили “Гогочка”: “Мальчик Гога, мальчик Гога, кашка манная готова!” Беспощадно относились к жадинам: “Жадина-говядина, пустая шоколадина”. Или такое: “Плакса-вакса-гуталин, на носу – горячий блин!” Дело не столько в форме, убийственно было, как это все произносилось, задразнить могли до слез: “Командир полка – нос до потолка!”, “Воображуля первый сорт, куда едешь, на курорт!” Сколько их было, дворовых дразнилок! За матроску Д. сразу же выдали: “Моряк – с печки бряк!” Его то и дело ставили на место: “За нечаянно бьют отчаянно”, “Мирись, мирись и больше не дерись”.

Отучили жаловаться родителям, отучили жить, научили драться по правилам.

Дом обследовали, облазили сверху донизу. Подвалы – где в клетушках хранилось немыслимое барахло, дровишки, старая мебель, там бегали крысы, пахло гнилью. Страшнее было на чердаках. Там что-то копошилось, шепталось, там находили матрасы, на которых кто-то спал, мерцали в жидкой тьме зеленые кошачьи глаза. Висели веревки. Кипы старых дореволюционных журналов. Вот тут и началось пуганье, кто кого перепугает, самое место для засад, чтобы выкрикнуть диким криком, а еще лучше хлопнушкой из газет или трахнуть надутым бумажным кульком. Теплые кирпичные трубы сочились дымком. Закопченные балки – обнаженный скелет дома. Почти без перегородок открывалось огромное пространство над всеми квартирами, можно было вылезти на железную крышу. Кто-то на чердаке скрывался, это факт, валялись окурки, консервные банки: “Сейчас как режимом заножу, будешь дрыгами ногать и мотою головать!”

Дворовая школа обучала плевать сквозь зубы. Это у Д. получалось, у него была щербина между передними зубами, и плевки летели стрелой. Вот со свистом было хуже. Никак не мог научиться палым свистам. Пальцы в рот самый сильный производят. Ему и пальцы совали – не получалось.

И вдруг однажды, летним днем, уже в деревне, вырвался у него оглушающе сильный свист, он был один в лесу, никто не слышал, свидетелей не было, он свистел и свистел, счастливый своей победой.

Не сразу школьное общество стало пересиливать дворовое. Преимуществом двора была свобода. Самоуправство, свой суд, свои порядки, без учителей, без школьных уставов. И еще, конечно, запретность. Можно было всласть ругаться. У кого-то завелись “финки”. Рассказы про гопников, про шпану, про “чубаровское дело”, как в Чубаровом переулке насильничали какую-то девицу. Дворовое образование включало бандитскую кличку, блатные песни, приемы борьбы, драки, похождения жуликов и, конечно, секс. Двор служил академией запретного образования. То, что исключалось из школьных уроков и строжайше запрещалось, можно было получить во дворе. В этом смысле “придворные” быстро наверстывали свои пробелы. Любовь, аборт, процесс изготовления детей, проститутки, любовницы, измены, венерические болезни, менструации, презервативы, онанизм – словом, “все о сексе”, о чем в семье не полагается “при детях”.

Д. заработал авторитет, он выигрывал, когда из какого-либо ругательного слова составляли новые слова – у него получалось больше всех.

Говорило ли это о его любви к языку, о его лингвистических склонностях? Вряд ли. Заметьте, какое осторожное слово мы выбрали – склонности. Детство редко дает возможность угадать что-либо о будущем ребенка. Как ни пытаются папы и мамы высмотреть, что получится из их дитяти, нет, не оправдывается. Все они видят в детстве предисловие к взрослой жизни, подготовку. На самом же деле детство – самостоятельное царство, отдельная страна, независимая от взрослого будущего, от родительских планов, она, если угодно, и есть главная часть жизни, она основной возраст человека. Больше того, человек предназначен для детства, рожден для детства, к старости вспоминается более всего детство, поэтому можно сказать, что детство – это будущее взрослого человека.

Арест отца

Как это произошло – помню плохо. Честно говоря – совсем не помню. Должен был бы. Во всех подробностях, мне уже было тринадцать лет... Не помню, видно, потому, что все годы старался избавиться, вытеснял.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Много позже я установил – начало было положено еще “Шахтинским делом”, затем “Промпартия”. От крупных спецов перешли к мелким. Количество выявленных вредителей ширилось. Стали брать всякую мелочь. И она тоже вставляла палки в колеса. Из-за них никак не двигалось строительство социализма. Такие, как отец, они тоже были чуждым элементом, не хотели давать показания на своего начальника.

Мать не велела говорить в школе о том, что случилось. Отца выслали.

В Сибирь. Сперва в Бийск. Потом куда-то в тамошний леспромхоз. От него приходили успокаивающие открытки. Приятно округлый почерк, читая, я видел его руку в рыжих веснушках, с аккуратно обстриженными ногтями. Перед сном он гладил меня. Проводил два раза от макушки до шеи. Мать никогда не гладила. Теперь, без отца, я плохо засыпал.

Жизнь наша круто изменилась. Семья обеднела. Не стало деревенской снеди, той, что привозил отец, – самодельные сыры, деревенское масло, грибы, брусника. Довольствовались карточками, в магазинах вырезали талончики на жиры, на консервы, давали селедку, крупы и “макаронные изделия”.

Мать мчалась из одной очереди в другую. До позднего вечера работала за швейной машинкой.

В нашем классе и с другими стало происходить похожее. Отцы исчезали... Колбасьев, Канатчиков, Баршев... Нас оглушил арест отца Толи Лютера, любимца класса. Лютеры жили на набережной, в большой шикарной квартире. Отец его занимал какую-то высокую должность, ездил на казенной машине. Когда отца арестовали, об этом объявили в газетах: “Враг народа...” Что-то было еще о нем как о деятеле латышской компартии.

Когда я впервые прочитал у М. Горького про детство, я обратил внимание: там не было отца. Я не понимал, как могло быть детство без отца, без ощущения его присутствия. Это же встретилось у Л. Н. Толстого в его трилогии “Детство. Отрочество. Юность”. Только у Лермонтова я вычитал тоску по отцу:

Ужасная судьба отца и сына

Жить розно и в разлуке умереть,

И жребий чуждого изгнанника иметь

На родине с названьем гражданина!

Через полгода выслали Толю, одного за другим выслали и других детей арестованных.

Высылка моего отца должна была затеряться среди этих событий. Так мне казалось. Не тут-то было. В десятом классе нас принимали в комсомол. Меня не приняли. Даже в кандидаты, была тогда такая ступень. Не приняли и все.

* * *

Отец еще не стар, крепкий, сильный, мать совсем молоденькая, я между ними. Две любви, два теплых разных потока омывают меня, несут. Какое счастье побежать под их взглядами, заслужить похвалу за то, как я перепрыгнул через лужу. Мать любила меня строже, отец нежнее, он видел меня реже, леспромхоз разлучал нас, зато летом, когда он получал меня, тут он не отпускал ни на шаг.

Умер он, когда я вернулся с войны, когда я был уже женат, когда появилась Марина, и он мог внучковаться, так что он мог кое-что увидеть из моей жизни.

Одно время, это было еще в студенческие годы, я вынужден был перейти в другой институт, на специальность мне быстро осточертевшую. Все это из-за того, что я сын высланного. То есть из-за отца. Он виноват. Не блядская власть, до нее я не додумывался, а он. И жалел его, и злился на него. Но, слава богу, ни разу я

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru никому, даже маме, не выдал своего чувства. И отцу никогда. Благодарю судьбу, Провидение, видно, удержало меня от малейшего упрека.

* * *

У меня был товарищ Игорь Клюкин. Хороший ученый – крупный акустик. У него было хобби – Александр Блок. Это было даже не хобби, а главная его любовь. Знал он о нем все, все, что можно было прочитать. Таскал меня по блоковским местам, по его квартирам. Как-то говорит мне:

– А знаешь, Дельмас жива!

– Какая Дельмас?

– Возлюбленная Блока, та, которой он посвятил цикл “Кармен”. Давай посетим ее.

Уговорил. Жила Дельмас недалеко от последней квартиры Блока на набережной Пряжки. На доме висела мемориальная доска в честь ее мужа – знаменитый бас Мариинского театра.

В подъезде Игорь говорит мне: “Не пойду, иди ты один”. Застеснялся. Кто он для Дельмас – никто, я, мол, другое дело, а он только помеха.

Раз пришли, деваться некуда. Я зашел. Представился. Дельмас оказалась вовсе не старухой, светская приветливость скрадывала возраст. Квартира была коммунальной, но у нее были, кажется, две комнаты. Большая, куда меня провели, была увешана фотографиями, портретами, более всего самой хозяйки в роли Кармен – Любви Александровны. Висели фотографии Немировича-Данченко, Шаляпина, Андреева, известных актеров, многие с автографами, восторженными надписями, посвященными исполнительнице роли Кармен. Она на Блока произвела впечатление тоже своей игрой. С этого начался их роман.

Дельмас охотно рассказывала о Блоке. По своему невежеству я не мог отделить вещи известные, опубликованные, от неизвестных. Ничего не выпрашивал, мой интерес сводился к ней самой, чем ее привлек Блок, был ли он веселым, щедрым, выдумщиком? Вскоре она разоткровенничалась. Рассказала, как Блок приходил к ней сюда. Про “Пушкинский Дом” сказала: “Они все просят у меня что-то, связанное с Блоком, – письма, фото, книги, а вот кушетку эту не просят”, – и вдруг подмигнула мне.

Стала показывать мне блоковские письма. Там было одно многостраничное, где Блок размышлял о религии, о своем отношении к Высшему разуму или Творцу, не помню. Были и интимные. Дельмас спросила меня: “Они просят продать им эти письма, но не хочется. Ведь они не предназначены для других людей. А уж для печати вовсе. Он был бы недоволен, это неприлично к его памяти. Как вы думаете?”

Сказал, что она права. Тогда она спросила, имеет ли она право сжечь его письма? Почему нет, это ее личное имущество, ей адресованное, в конце концов, она полная хозяйка. Примерно так я сказал. Она обрадовалась: “Я сошлюсь на вас”. – “Да ради бога”. – “А мне ничего за это не будет?” – “Закон на вашей стороне, да и что они могут сделать”.

Не знаю, как она в конце концов распорядилась, но Игорь Клюкин возмутился, он считал, что это общенациональная ценность, историческое сокровище, что будет преступлением, если письма Блока погибнут.

Мы с ним долго спорили. Сейчас, вспоминая об этом, я был бы уже не так категоричен.

С мертвыми, конечно, надо считаться. С их взглядами, их этикой, тем более, что защищать себя они не могут. Мы скучные материалисты. Мы уверены, что им уже все равно, что они не узнают, не почувствуют, поскольку они ни в каком виде не существуют.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

* * *

Она написала мне спустя полвека. Молодая учительница, Наталия Соколова, окончив институт, получила направление в село Кашеево Белгородской области. Было это в 1956 году. Уехала преподавать русский язык, как положено, на два года.

В школе – земляной пол, не было ни электричества, ни радио. Вода в ведре замерзла. “Пять девятых классов и выпускной. Горы тетрадей”. Родители из Москвы посылали ей свечи ящиками.

“Я научилась издалека носить воду, ко мне стали лучше относиться. Ученики ходили в школу за 5, за 10 километров.

А вот отношения с директором и его женой не сложились. Я с молодыми учителями провела читательскую конференцию по Вашей книге „Искатели“... Обобщив то, что сумели понять и прочувствовать участники конференции,

я послала Вам письмо в Ленинград. К нашему радостному удивлению, Вы ответили чудесным, добрым, уважительным и подробным письмом. Это стало известно всей округе... На какое-то время мои мучители оставили меня в покое”.

Здесь и дальше опускаю комплиментарную часть, мне важно другое – как отзывалось мое слово. Оказывается, помнилось долго, и вот спустя полвека вернулось. Дальнейшая судьба Наталии Соколовой сложилась, можно считать, удачно. Отработав свои годы на селе, она поступила в аспирантуру, защитилась, стала кандидатом наук. Продолжала работать в школе уже в Москве, потом в институте, всего 40 лет преподавания. Они с мужем уже возглавляют свою династию учителей. Письмо ее подтвердило давно известное – доброе дело не забывается. Злое можно простить и забыть, а над добрым время не властно. Не помню того моего письма, на послания я вообще отвечаю редко, неаккуратно, поэтому тем более радостно получить этот отклик из далекого прошлого.

* * *

Дочь моих приятелей, студентка, спросила меня: “Когда мы снова приступим к строительству коммунизма?”

* * *

Революция 1917 года жаждала перемен в жизни народа. Царская власть изгадила себя – 1905-м годом, русско-японской войной, Распутиным, а еще она залезла в совершенно непонятную войну с немцами. Народ возбуждали лозунгами о мире, о земле, о захвате фабрик и поместий.

Накипело у солдат, у крестьян, у мещан, но очень быстро накипело и у офицеров, у всех интеллигентов, возненавидели хамство, бескультурье толпы, этих жлобов, разрушителей России, с их плевками, пощечинами русским гениям. Жить в такой блевотине не мог ни Бунин, ни Шалапин, ни Блок. Бунин безжалостно описывает деятелей революции: “Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахален, жрет и от времени до времени задает вопросы – не говорит, а все только спрашивает, ни единому ответу не верит, во всем подозревает брехню”. Это 1918 год. Так началось, так и продолжалось все годы советской власти. Жлобство это перешло наверх, до самого Кремля. Архитекторы вспоминали, как в 1960-е годы их принимал у себя на даче генсек КПСС Н. С. Хрущев. “Сидел, ноги в тазу. Думаете, это невоспитанность? Нет, это хамство как неотъемлемое качество власти сверху донизу. Когда он, Хрущев, стучал ботинком в ООН, это то же самое, это программа”.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

* * *

В блокаду я попал в столовую квартиры моего знакомого профессора. Труп его лежал на диване, из разбитого окна намело снег. Я открывал дверцы буфета. Сервиз заполнил все полки, блюда шикарные для пирогов, длинные для рыбы, селедочницы, супница, салатница украшена красными раками, розетки для варенья, печенья. Все блестяло, чистенькое, красивое. Ваза для фруктов,

в ящике лежали терки, консервные ножи, штопоры, уксусные флаконы.

* * *

Я знал Россию, ту, что поднялась на Великую Отечественную войну, спасая свои народы от фашизма, а за ними и Европу. Знал ее и после войны, когда оголодавшая, разутая, бездомная, стала она восстанавливаться. Я хорошо знал эти две России, потому как сам и воевал, и восстанавливал разруху.

То были два прекрасных народа. Трагические испытания подняли их дух как никогда раньше. Другой России мне не надо. А мне сообщают, что России осталось жить не больше 50 лет, дальше она станет мусульманской страной, русский язык исчезнет, русские разбредутся по всему миру подобно евреям

и все ее прошлое обернется мифом.

Самоубийство

Из чего состоит Россия лично для меня, выросшего в ней, в Новгородчине, Псковщине, в Питере и его губернии. Из чего? Деревни моего детства, лесные биржи, лесосеки, проселки. Школа. Поэзия Пушкина, деревенские частушки под гармонь. Есенин. Тихонов. Пастернак. Не то чтобы я особый любитель, нет, обычный питерский интеллигент. Стихи, романсы, кино, советское вперемешку с мировым, все это входило в меня с годами постепенно, незаметно и составило мою личность. Это шло наряду с моим инженерным образованием.

Сегодня, в 2009 году, литература из школьных программ фактически исчезла. ЕГЭ до предела упростил и историю. Система “да – нет” оставляет от живого повествования Российской тысячелетней жизни лишь скелет. Вместо портрета есть лишь перечень – даты, наименования, хороший-плохой, плюс-минус.

ЕГЭ упростил историю до математического уравнения. Компьютер иначе не может. Машина наиболее удобная для отчетов чиновников “Наробраза”.

Все это подробно раскритиковано. Тем не менее выпуск за выпуском проходит. Продукция ЕГЭ уходит в жизнь, кончат институты, дипломированные егэобразные создания, воспитанники системы “да – нет”, не знающие сомнений, наполняют Россию. Для них она местожительство, место работы. Любите ее? А за что? Ее поэзия, ее прошлое, ее поля, песни? Извините, мы этого не проходили. В программу не входит...

* * *

Чуть что, мы седлаем своего объезженного мерина и начинаем поносить нашу погрязшую в коррупции страну, чиновников-взяточников, криминал, врунов и прочую надоевшую мерзость. А Конфуций говорил еще 2500 лет назад: “Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку”.

* * *

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Высшее образование солдату ни к чему. На войне тем более. “Рядовому интеграл нужен так, как в супе кал”, – было заявлено мне политруком. На сей счет имелись и другие присказки. Чуть что, однако, за этот диплом мне втюхивали будь здоров. Откопали кабель подземный. Лежал, сердешный, ни начала не видно, ни конца. Вызывают. Пусты по нему электричество на КП. Хоть немного. На освещение.

– А где я возьму электричество?

– Это, дорогуша, твой вопрос, пять лет тебя учили на народные деньги.

Или:

– Давай воду отведи из окопов, дренаж устраивай.

– Для этого надо рельеф местности, съемку...

– Вот и делай, мать твою, и не засерай нам мозги.

Прыщавый этот умник, то есть Д., многих раздражал. Особенно начарта

В. Крымова, его одногодку, старшего лейтенанта с тоненьким женским голосом, негодным для команд. Между прочим из-за такого голоса он никак не мог рассчитывать на военную карьеру. Начарт вполне мог бы схарчить рядового Д., если бы не комбат. Дело в том, что комбат посылал этого парня в развалины Пулковской обсерватории за литературой. Оттуда Д. приносил старые комплекты журнала “Огонек”, “Нива”, атласы звезд. Комбату нравились наклейки “Служба звезд”, “Служба Солнца”. Он любил читать. Характер ему позволял. Характер был замедленный, рассудительный. Ни в каких передрягах, ни во время боя, ни при выпивках он не срывался на ругань. Чем тише он говорил, тем лучше его слышали. Никогда не отвечал сразу. Спокойствие у него было нутряное, действовало оно отрезвляюще.

Ночью, когда появлялись звезды, он призывал Д., и они искали созвездия, начертанные в атласах. Д. приносил из подвалов обсерватории кипы протоколов наблюдений, как они там назывались, для растопок. Звезды хорошо горели. Тонкая бумага годилась на самокрутки.

– Чего-нибудь там выискали? – посмеиваясь, спрашивал их комиссар, тыкая пальцем в небо.

Комиссар Елизаров считался стариком. Было ему лет сорок пять. Рыхлый, малоподвижный, он не вмешивался в действия комбата, не мешал штабникам, жалобы, обиды выслушивал сонно, приговаривал: “Все пройдет зимой холодной, пройдет и это”. Его любили за то, что он терпеливо выслушивал любого. Политбеседы его звучали странно. На войне все врут одинаково, убеждал он, всем приятно, что уничтожено 70 танков, 990 гитлеровцев. Английские штабы также врут. Думаешь, комбат не понимает, когда ему залепуху докладывает ротный, что осталось четыре мины? Ему тоже тогда можно наверх доложить. Ложь разная, наша советская ложь самая гуманная. Зачем вам про то, что

в Ленинграде съели всех собак? Вам это поможет? Правдой надо пользоваться умеренно. Ложь, она оптимистична.

– Я лично не люблю правдолюбцев. С ними трудно в политработе, – говорил он, прихлебывая водку словно чай, посмеиваясь. Не поймешь, может, шутит. Слова его что-то сдвигали в голове, никак потом на место не вернуть.

– Вертинский чуждый нам человек, – вразумлял он Лаврентьева, – тоскует по родине. Не нашей, советской, а по царской. Конечно, родился он в ту эпоху, его родиной не мог быть Советский Союз, ну и что, я тоже при царе родился и все наши руководители. Теперь наша родина СССР. У человека не могут быть две Родины. Мы говорим – любите свою Родину, тут надо подумать. Потому что, когда товарищ Сталин назвал нам Кутузова, Суворова, Дмитрия Донского, он имел в виду царскую Россию. Выходит, две Родины соединились, значит, Вертинский оказался где?...

Утвердился Д., когда придумал жечь провод для освещения, жечь с обоих концов, света больше было. И еще деревянный станок для пулемета смастерил. Легче, руки не примерзают.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Одни в батальоне тощали от голода, другие пухли. Немцы зазывали к себе по радио, обещали хорошую кормежку. Как особист Баскаков ни старался, переходы участились. Дистрофиков увозили в госпиталь. Пополнения не присылали. Пополнялись только вшами.

Елизаров сомневался, сумеет ли мы удержать оборону. На четыре с лишним километра у нас осталось 135 человек. Надо готовить в городе отряды сопротивления. Баскаков считал такие разговоры пораженческими, предупредил комиссара.

Елизаров вдруг вспыхнул, вытащил из кармана орден Красного Знамени, оказывается, его за финскую войну наградили, а мы и не знали.

– От меня, Баскаков, – сказал он, – конечно, мало толку, зато от тебя один вред. Наши узбеки перешли к немцам из-за тебя. Слышал, как они по радио тебя поносят.

Такого Баскаков простить не мог, вскоре добился, чтоб Елизарова забрали от нас.

Мы устроили комиссару отвальную. Наша землянка, прокуренная, дымная, вонючие портянки сушатся. Греется котелок с хвойным отваром. Это от цинги. Тут же парят хряпу. И плывет тихий голос Володи:

Мадам, уже падают листья

И осень в смертельном бреду,

Уже виноградные кисти

Темнеют в забытом саду,

Я жду Вас, как сна голубого,

Я гибну в любовном бреду...

Вход завешен малиновой портьерой, она глушит вечернюю стрельбу.

В землянке тепло, все чешутся от вшей. На морозе вошь замирает, а как отогрешься, тут она накидывается. Но не до них, такая хорошая печаль от этой чужой, нездешней любви-разлуки, от гитары, от песни, такой непохожей на все наши. Боже ты мой, как спустя полвека еще помнится этот вечер, подставленные кружки, куда Елизаров разливал свою водку...

Многое из прошлого умерло во мне и продолжает умирать. Память – это то, что спаслось. Как они спаслись, образы прошлого, не знаю. Иногда я кажусь себе кладбищем моих ушедших друзей, событий. Что-то заросло, еле заметные холмики остались, надписи не видны. Володю Лаврентьева сохраняли песни, звуки гитары, чужой гитары, но все равно.

В подвалах обсерватории я иногда встречал парня из полка морской пехоты. Он ходил за бумагой для курева. Мы с ним устраивали долгие перекуры. Однажды он угостил меня флотской галетой. Большой черный сухарь не поддавался моим цинготным шатким зубам. Я мочил его, колол, сосал три дня.

* * *

Полковник приказал найти в части художника. Привели мальчика-новобранца.

– Нарисуй мне голую бабу во весь рост.

Парень растерялся:

– Извините, я такого не рисовал.

Полковник рассмеялся:

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– По памяти давай.

– Да я голых женщин вообще не видел.

– Ничего себе художник.

Полковник обратился к адъютанту:

– Найди ему девку, чтоб позировала голая, и чтоб крутая была.

– Ой, не надо, – сказал художник. – Я сделаю так.

– Ну смотри.

Он взялся за работу, вспоминая эрмитажные статуи и картины. Кончил. Явился полковник.

– Добавьте здесь, – показал он на бедра. – И грудей добавь.

Сделал.

Полковник повесил картину у себя в сауне. Приезжали к нему гости. Любовались. Просили одолжить художника. Заказчиков было много. Всем надо было побольше секса. Рисовал одну за другой весь срок службы.

* * *

Корреспондент спросил меня, что я думаю о таком высказывании Толстого Л. Н.:
“Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека – который живет чужими мыслями и своими чувствами”.

Фраза красивая, но плоская, в сущности, она о том, что плох эгоист, занятый только собой, а вот кто заботится и переживает за других людей, тот хорош. Маловато для Л. Толстого. Сказать этого я не сказал, потому что люблю Толстого, что не только его гений, но и всю его жизнь. Потом подумал, что хоть сентенция эта и очевидна, но в такой изящной обработке лучше звучит и помнится.

Жил Л. Толстой, как писатель, избегая дворцовых апартаментов, не участвовал в политических интригах, без искательства соблюдал достоинство и был, может, самым свободным из всех русских писателей. Притом что принимал горячее участие в делах милосердия, просвещения. Это отличает его от Достоевского, от Бунина и других наших великих.

С чего все начиналось

Первые месяцы войны были самые трудные. Не потому, что мы отступали, драпали, но и потому, что у нас не было ненависти. Перед нами были не фашисты, а Германия. В школах учили немецкий. Гете, Шиллер... Помню, как мы всем взводом агитировали первого пленного немца, раненного в ногу молоденького ефрейтора:

“Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”

“Тельман! Карл Либкнехт!”

“Рабочий человек не может воевать с рабочими и крестьянами”.

Мы угощали его папиросами, похлопывали по плечу:

“Долой Гитлера!”

Вы знаете, что он нам отвечал? Меерзон переводил нам медленно, аккуратно, фразу за фразой:

– Вы все будете убиты. Об этом позаботятся ваши плохие командиры.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

И мы. Воевать вы не умеете. Лучше вам сразу сдаться. Вы дикари. Вы не можете жить культурно. Посмотрите, какие у вас дороги. А ваши избышки. Ужасно. Там грязь, полно насекомых. Туалеты. Все загажено. Дрек. Дрек. Посмотрите

на себя. Разве вы солдаты? Вы низшая раса!

Он смеялся. Белозубый, краснощекий здоровяк. Ни страха не было у него, ни интереса. Кашу он ел жадно, аккуратно вытер рот носовым платком. Алимов взял ложку, стукнул его по лбу: „„Спасибо“ надо сказать, чему тебя учили?“

* * *

Шинель немецкую женскую надо было приспособить. Нашел среди пленных портного. Велел ему перекроить. Прошла неделя. Вызывает немца. Тот ничего не сделал, говорит, я таких заказов не исполнял, не знаю, как надо.

* * *

Шли по минному полю. Командир сказал мне: “Иди за мною след в след”. Сам шел, выглядывал усики. Я за ним на расстоянии. Вот это был комбат!

* * *

Жуков погнал пехоту на минное поле проделывать проходы, потом саперов, чтобы убрать противотанковые мины, потом уже своих гвардейцев. Сам Жуков об этом рассказывал Эйзенхауэру. Тот удивился: “Наши солдаты бы не пошли, а начальника за такое сняли бы”.

* * *

Мне хотелось перепробовать все, я играл в волейбол, в карты, в кегли, пытался заниматься слаломом, нырял, и неплохо, на большую глубину, стрелял из лука – неудачно. Неудач было много, они не огорчали. Наверное, потому что я ничего не хотел достигнуть, я не стремился к мастерству, мне достаточно было вкусить, ощутить сложность настоящего спорта.

Старая Русса

Яблоки рассыпали на чердаке. Яблочный дух там сохранялся всю зиму. Яблоки были мелкие, назывался сорт скромно: “чулановка”. Вкусная, ароматная, таких больше нигде я не ел. Продавали их мерками, емкостью с ведро. Наступал яблочный Спас, и весь рынок заполняла яблочная орда. Каких только яблок не везли, но главное, чем славился город, была “чулановка”. И еще, конечно, рыба. Она тоже лежала не просто на прилавках, она большей частью плескалась в лоханях, садках, кадках. Знаменитые ильменьские сиги... Базары запомнились. Как праздники. Чего стоили гуляния в Гостином Дворе, когда осенью после урожая съезжались со всей округи в город парни и девушки. Прогуливались, пели зазывные частушки, шел пригляд, знакомились. Девушки в шелковых платьях, в баретках, парни в начищенных сапогах, в штиблетах, русские рубахи, а то и апаши – отложные воротнички, были щеголи с ручными часами. Брюки клеш, кепи, картуз, лузгали семечки. Ну, это всюду, вся страна лузгала, главное было – умение заговорить, завязочка:

Ты залеточка, залеточка,

Вертучие глаза...

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Играли, соревнуясь, гармонисты:

Я плясать-то не умею,

А пойду, так дробь дам.

* * *

Отец его был офицером русского флота, а в советское время преподавал

в Мореходке. Умер он в 1959 году. Умирая, попросил сына отслужить о нем панихиду в Спасо-Преображенском соборе. Сын в тот год получил должность редактора газеты. Тем не менее он заказал отпевание отца, сам был в церкви. Для него просьба отца была неожиданна. Получалось, что отец втайне был верующим, скрывал. Оказалось, что священник знал его, отец посещал церковь.

Сына отговаривали. Жена упрашивала не устраивать отпевания, будут неприятности, могут снять с работы. Не все ли равно отцу, мертвому безразлично. “Мы поставим хороший памятник” и тому подобное.

Волю отца он считал священной и не пошел ни на какие уступки. Отец наверняка все понимал, понимал, чем это грозит сыну, и если он попросил, значит, это было ему надо для другой жизни.

Ася

В Ульяновское танковое училище мы прибыли с фронта. Офицерами. Старшие лейтенанты, капитаны. В орденах и медалях. И попали под начальство старшин. Они принялись нас гонять на строевую подготовку, на вечернюю прогулку, с песней “За-а-певай! Давай ножку!”. Шел 1943 год. Фронтвики народ вольный. Слали всех туда-то. Дальше фронта не пошлют, больше пули не дадут. Казарменная жизнь была непривычной. Койку надо заправлять.

В столовую строем. Зарядка. Быстро наладили самоволки. Налаживание в том состояло, чтобы обзавестись девахами, ночевкой, а то и квартирой. Кормили в училище скудно. Много часов уходило на политзанятия. Эту дурость в разгаре войны... Не могу сказать, чтобы мы рвались на фронт. В Ульяновске я впервые почувствовал прелесть мирной жизни. Не стреляли. В Ленинграде ведь как: даже когда нас отвозили на отдых – помыться, вшей перебить, – все равно нас доставали бомбежки, снаряды. Спали не раздеваясь. Сапоги скинешь, ремень, пилотку долой, а остальное – только что пуговицы расстегнешь. Шинелью прикроешься. Портянки просушишь, вот и вся спальня. А здесь хоть в казарме, однако – простыни, одеяло, матрац пружинный. Кровати двухъярусные, мне достался второй этаж. Соседом по койке был башкир Юсуп. Ночью он будил меня, шептал: “Пойдем поссым”. Я отмахивался – не хочу, зачем будишь. Он говорил – скучно одному слезать, влезать. И так каждую ночь. Все это знали, поменяться местами ни с кем не получалось. Давал за обмен месячный паек папиросный. Не брали. Тогда решил искать пристанища городского. Один из курсантов пригласил меня на вечер в “культурный дом”. Пришли. Дом стоял на горке, над садом. Двухэтажный. Верхний этаж с большим балконом занимала семья хозяев. В гостиной за столом с плюшевой скатертью расположилось общество. Глава семьи – седоголовый, крупный, львиный мужчина, если по-старинному – землеустроитель; если по-довоенному – начальник облзо, что означало Областное земельное управление. Две его дочери, еще их подруга, мамаша, какие-то мелькающие тетки. Сидели, пили чай, ели пирог с капустой, нас расспрашивали про фронт. Он – с Уральского, я – с Ленинградского. Для них без разницы, главное – когда кончится война. Это наше русское постоянное вглядывание в будущее, не жизнь, а ожидание жизни, нормальной жизни, ожидание, которое поглотило поколение моих родителей, затем и мое поколение. А нынче уже мои дети тоже вглядываются и докучают: ну, что будет? Когда кончится инфляция, когда покончат с преступностью? Когда начнется жизнь?

Потом играли в карты, потом Ася одна пела под пианино. Родители ушли. Мы долго еще сидели, спустились в сад. Теплень была заполнена сиренью. Это была сиреневая чаща. Целовались. Мы остались. Спали на дощатом балконе. После этого я часто

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru приходил к Асе, оставался. Нам было хорошо, а мне особенно. Ася где-то работала. Сестра ее часто дежурила в госпитале. Мой товарищ, кажется его звали Лева, вскоре позвал меня в другую, более хлебную компанию. Он использовал меня для представительства. Я должен был читать стихи, говорить о литературе, придавать интеллигентности офицерскому составу. Меня приглашали для старта. Потом обо мне забывали, я даже мешал, потому как пил мало, карты не любил, и вообще интеллигентность быстро утомляла и баб, и мужиков.

Начальником училища был генерал Кошуба. На наши ночные отлучки смотрел благодушно. Надлежало лишь являться к утренней проверке. Когда мы попали однажды в комендатуру за пьяные песни ночью перед зданием обкома, вот тут он разгневался, велел привести к нему. Это был полный, могучего сложения генерал, Герой финской кампании. Там он потерял обе ноги. Отморозил.

Он сперва накричал, изматерил нас, потом усадил и стал учить, как пить, чтобы не напиваться. В заключение преподнес нам формулу:

– Надо знать, с кем пить, когда пить, сколько пить. И где.

– А что пить? – спросил я.

– Об этом вопрос не стоит, – сказал он и почему-то велел мне остаться. Долго разглядывал меня.

– Ты что, лейтенант, стихи пишешь?

– Нет.

– А что ж ты пишешь? Записываешь в книжку?

Я понял, что ему докладывали. И тут тоже все просматривалось, замечалось.

– Да так... фольклор. Иногда.

– Например.

Я прикинул, что сказать.

– Например: держись поближе кухни, подальше от начальства.

– Известно. Еще.

– В тени меньше потеешь.

– Это в смысле – не высовываться?

– Наверное.

– Фольклор, значит? Говорят, ты стихи читаешь наизусть.

– Виноват, товарищ генерал.

– Не прикидывайся. Я думал, может, написал бы песню нашего училища. Музыка у меня есть кому заказать.

– Это лучше делать вместе с композитором.

– Вот видишь, выходит, ты специалист.

И тут черт меня дернул за язык:

– Знаете, товарищ генерал, я больше прозой интересуюсь. Я прозаик.

Генерал усмехнулся.

– Я тебе не про заек предлагаю, а про танки. – Хохотнул. Я тоже посмеялся. – Пушкин, он и прозой мог, и стихами писать. Писатель все должен уметь. Значит, ты писатель?

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Да нет, это я так, хотел бы.

Он рассматривал меня взглядом лесоруба, с какого бока начать рубить.

– Послушай. Мне нужен грамотей, доклады подправлять, историю училища, то да се... Я бы мог тебя оставить в училище. Как ты?

– Не хотелось бы, товарищ генерал.

– Ты уже повоевал, свое дело сделал.

– Отступал, товарищ генерал. А теперь другая война будет, наступать.

– Мой тебе совет: подумай. Свою пулю получить успеешь. На фронт не набивайся, от фронта не отбивайся. Можешь записать.

Когда я рассказал про это Асе, она стала уговаривать меня согласиться. Война мне к тому времени порядком надоела. Именно надоела – бестолковыми командирами, безжалостностью их к солдатам.

Предложение Кошубы преобразило Асю, в ней появилось что-то захватническое. До этого мы были связаны легким чувством без будущего. Чисто любовные отношения. Сладострастие перемежалось с радостью иметь кавалера, да еще офицера-фронтовика, а не курсанта в кирзе, пилотке. Каждая женщина считает замужество удачным завершением романа, логическим концом. По крайней мере, так было в те годы. Сейчас женщина свободна от мечты о замужестве, свобода бывает, и часто, дороже семейных уз. Раньше “брачные узы” налагались на мужчину, цепи Гименея также влачили мужчины. Ныне женщина тоже смотрит на эти принадлежности с опаской. Ася, до того беспечная любовница, переменилась. Дала понять, что я могу поселиться у них, мне выделяют комнату, будут кормить, незачем питаться в столовке. Вечером со мною об этой затее заговорил ее отец, поглаживая усы, он, как мужчина мужчине, сказал, что случай такой не след упускать. Что касается Аси, то жениться не обязательно, свобода, он понимает, штука драгоценная, между прочим в Ульяновске свободы больше, чем на фронте. Отсюда на фронт всегда можно... Ася девочка хорошая, это он не как отец, танкисты, они смертники, лично он на фронт подался бы к концу войны.

Мы поехали с Асей по Волге на лодке. Было тепло, она показывала мне здешнюю красу, крутые берега с ласточкиными гнездами, дубовые рощи. Палило солнце. Ничего похожего на нашу северную природу и на фронтовую природу, которая существовала прежде всего как укрытие. Природа здесь раскинулась бесстыдно, как будто и не было никакой войны.

– Тебя убьют, – сказала Ася. – Ты погибнешь. Я не хочу. У меня уже был в прошлом году... Несколько ребят, была компания, все сгорели, один только добрался до госпиталя, и то ослеп.

Предчувствия на меня действуют, особенно чужие, женские. У женщин есть какой-то чувствительный датчик сигналов из будущего, то, что было у древнего человека. Недаром ведь столько веков существовали ведуньи, предсказательницы, пифии...

Кассандра была троянская царица, предсказывала она все правильно, но никто ей не верил. В Дельфах работал центр на всю Грецию, по предсказаниям, там тоже работал исключительно женский состав.

– Я не о себе, я не претендую, можешь мне изменить... – Она плакала, похоже, она вправду боялась за меня. Я сам был готов заплакать с ней над моей обгорелой судьбой.

Мы плыли по Волге, Ася сидела на руле, пела, запрокинув голову к небу:

Мы правим в открытое море,

Где с бурей не справиться нам,

В такую шальную погоду

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Нельзя доверяться волнам.

Звучала у нее эта песня – не поймешь, от кого, про кого, пела с чувством, с таким чувством беды, что душу надрывала. Красива она была в эти минуты, в распахнутой рубашке, по-мальчишески крепенькая, я понимал ее, жалел, вдруг приоткрылась ее мечта о счастье. Останусь в Ульяновске, да еще при начальстве, должность не пыльная, тут следующее звание получить быстрее, чем на передке, живи, наслаждайся с чистой совестью, свое фронтовое отбарабанил сполна, да еще на Ленинградском, это вам не Карельский.

Асю я понимал, а вот себя – нет. С самого начала знал, что не останусь, приятно было, чтобы меня уговаривали, толком же ответить Асе не мог.

В самом деле – почему? Про патриотизм, долг говорить в то время уже язык не поворачивался.

Мой бурят коротко определил – хамаугэ, что означало полное отсутствие ума. Со стороны так оно и выглядело. Последние две недели перед отправкой с Асей у нас порушилось. У нее была обида, у меня же неумение толком объяснить свое решение. Может, она подумала, что я бегу от нее, опасаясь, что обкрутят меня, окольцуют.

– На фронт ты всегда успеешь отпроситься, – сказала Ася в последний наш вечер. Что было правдой.

– Мы можем жить не расписываясь, – сказала она. Что тоже было правдой.

Но тут же, противореча себе, она сказала, что хочет ребенка от меня, что ребенок у нас должен быть замечательный, ибо мы идеально подходим друг другу, что на фронте меня могут ранить и тогда ребенок будет неполноценный.

Я еще ни разу в жизни не думал о своем ребенке. То есть однажды Зоя Пухаркова предупредила меня насчет беременности. Это не входило в мои планы, в ее тоже, но ребенок тут был ни при чем, мы думали лишь про беременность, как бы не вляпаться.

Мое молчание разъярило Асю. Вряд ли я уцелею, она знала участь танкистов, слава богу, через их танковое училище прошли сотни, может, тысячи курсантов, а сколько уцелело? Всего ничего. Танк – гробница. Она повторяла исступленно, что я сгорю, меня раздавят, перекалечат, мне не выбраться.

– Ты погибнешь. Ты не вернешься. Тебя убьют. Кошуба командовал батальоном и то остался без ног, а тебе в лучшем случае дадут роту. Это смертники.

Такое не следовало произносить, это плохая примета. На меня ее слова действовали долго, всю дорогу на фронт. До того два года войны я не помышлял

о смерти. Знал, что уцелею, а тут пошатнулась, треснула моя вера, тот солдатский “авось”, который помогал и в бомбежку, и под минометно-пулеметной косилкой. Что ни говори, каждый из нас с первого дня воевал с “авосем”. Прежде всего

с ним, ничего другого не имели. Авось не попадет, зарывались в землю, да разве от бомбы зароешься. Авось да небось, да еще как-нибудь – вся надежда наша.

Кассандра своим языком все испортила.

Ася рыдала, словно над покойником, нос распух, красный, глаза красные, вся красота сошла. Я выматерил ее с наслаждением, если убьют, то из-за нее, пусть так и знает. Ничего не осталось другого применить. Разом неприятен стал ее хриловатый голос, какой-то гулящий, похабный, и ногти, выпуклые, точно когти кошачьи.

Когда поезд тронулся, Ася побежала за вагоном, я стоял у окна, она махала мне, что-то кричала, я смотрел на нее, а потом взял да и отвернулся, нарочно отвернулся так, чтобы поняла.

В вагоне пили, закусывали подаренными гостинцами, гостинцы тогда бы-ли – пироги капустные, картошка печеная, творог да огурцы. Жалели покинутых баб. Некоторые регистрировались, чтобы хоть аттестат им оставить, чем-то отблагодарить, мало

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru кто думал про будущую жизнь, про то, чтоб вернуться. Если вернуться, то скорее к своим, а свои были на родине, свои – это родители или кто уже имел свою семью. Таких было мало.

От водки на душе полегчало. По сути, Ася хотела одного – оставить меня, от фронта убереечь, то есть от смерти. Ей что надо было – хорошо бы мужа, это в идеале, но она счастлива бывала, когда шла со мною по бульвару, так что все видели – есть у нее кавалер, и не просто, офицер, да еще с орденом, с Гвардейским значком, и рост подходящий, и собой вполне соответствует. Признавалась, что и такого женского счастья достаточно, по военному времени оно и не малое. Вспомнил, как водила показывать ульяновские, то есть симбирские, деревянные особнячки, библиотеку, спуск к реке, бежала по тропкам, как блестящие ее разлохмаченные веселые кудряшки.

Спустя много лет на каком-то книжном базаре в Москве я надписывал свою новую книгу. Когда меня просят: “Напишите мне что-нибудь”, я теряюсь, я не мастер экспромтов. Но тут мне продиктовали: “Пожалуйста, напишите на память о том, что не случилось”. Передо мною стояла девочка, подросток, было ей лет пятнадцать-шестнадцать, что-то слабо знакомое в ее лице. Я спросил – кому? Как ее звать? Она пожала плечами, засмеялась – это неважно. Я надписал. Ночью в гостинице я вдруг вспомнил, кого она напоминала – Асю. Может, где-то позади стояла ее мать, может, мать когда-то рассказывала ей, не знаю. В том, что это была ее дочь, почему-то уверился. Было хорошо, что я не видел саму Асю, что она осталась в том же доме над садом в переулке, заросшем травой, остался балкон, тюфяк, постеленный на досках, все осталось как было, появилась только эта неведомая мне девочка, дочь ее и ее мужа, или такого же, как я, курсанта, потому что война шла еще два года и мы, курсанты того училища, еще горели и горели в танках.

* * *

– Ну хорошо: Отчизна, Отчизна.. и что дальше, что прикажете с ней делать? Любить? Я вот приехал в Германию, поселился там, можно сказать, иммигрировал. С женой, детьми. Нам дали жилье. Квартиру. Социальную. Но отдельную, с удобствами. В Ганновере. Пенсию приличную. Дети устроились. Мы, конечно, благодарны. Ведь никаких заслуг перед Германией у нас не было. Это чувство благодарности перешло в симпатию, отчасти в признательность, почти в любовь.

* * *

Смерть жены после многолетнего брака – это потрясение. Сметаются все устои, все привычки. Прежде всего обнаруживается пустота. Пустое место за ужином. Кресло, где она сидела, – пустое. Ни в одной комнате ее нет. По привычке торопился домой, она там одна-одинешенька, ждет. Вошел, понимание, что никто не ждет. Несу домой новость, не терпится рассказать, никого нет. Каждый раз забываю, что ее нет.

Платяной шкаф. Там всегда было тесно от ее кофточек, блузок, юбок. Мы их раздали. Покачиваются пустые плечики. Мне надо узнать, когда к нам приезжал Роберт Фрост, какие стихи он читал. Спросить не у кого, она была единственная, кто помнил. Все больше и больше вещей, которые она знала, а я не знаю, не помню и уже не узнать, кругом посторонние люди. Набирается целый материк безответного, того, чего мне уже никогда не выяснить. Кругом необитаемый мир.

У Юры Рытхэу умерла жена Галя. Мы вдруг потянулись друг к другу. Он был гуляка, теперь стал примерным... кем? Вдовцом?

Вот когда меня все назойливее донимает вопрос о существовании души. Любой атеист, материалист знает, что у него-то душа имеется. Недоказуемо? Душа обитает за пределами доказательств, как сны, как мечта, за пределами естественных наук. Она недосыгаема для приборов, датчиков.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Владимир Адмони, филолог, переводчик, германист, после смерти жены Тамары Сильман никак не мог воспринять ее отсутствие. Для него нереальным было ее небытие. Он не позволял садиться на ее стул, на ее постели раз в неделю меняли белье. Борис Слуцкий не мог оправиться после смерти жены, можно сказать, что это свело его в могилу.

Религии считают душу бессмертной. Она неуничтожаема. Доказательств нет ни у одной религии. Дело веры каждого человека – так или иначе решать этот вопрос.

* * *

Да, мы тоже хотели войти в Берлин, отомстить за все поражения, окружения, бегство, голодуху, за пленных, за четыре года, украденных из жизни. Поторжествовать, подняв свой флаг над развалинами Рейхстага. Хотелось. Всю войну мечталось. Но уже тогда росло и другое – добраться домой. Уцелеть. Раз война выиграна, теперь наше дело – не подставляться.

Трофеи? А чего возьмешь в солдатский мешок? Ну отрез-другой втиснуть. Если серебряные ложки, вилки попадутся. Картины, статуэтки, в них мы ничего не понимали. Картину надо брать большую, чтобы рама хорошая, а как ее дотянешь, самоваров у них нет, книги все на немецком.

Один мужик по дороге показал мне: инструменту набрал ихнего, высшего класса, всякие прибабасы – пилки-сверлилки, так он спец.

Другой вез чемодан с патефонными иглами. Несколько тысяч, где-то

у немцев спроворил. Растолковали мне – если каждую иглу продавать по пятерке, а они у нас в дефиците, считай, сколько тысяч. Товар не видный, зато верный. Сунул в карман коробочку, никому глаза не застит. Всегда спрос есть.

Это он мне в эшелоне свои планы изложил, когда мы на крыше ехали. На иголках он проектировал дом себе новый выстроить. Еще один вез машинку вязальную, носки вязать. Какой-то фриц пленный ему присоветовал, растолковал, как ее запускать. Одни мигали, другие смекали. Смекалые попадались мужики – и правильно делали, свою контрибуцию брали.

* * *

Древнегреческий поэт Пиндар писал: “Будь таким, каким ты себя познал”.

Спустя две тысячи лет Гете отточил эту фразу до совершенства: “Стань тем, что ты есть”.

* * *

Всегда интересен тот, кто молчит.

* * *

Было у меня несколько увольнений и командировок в блокадный Ленинград. Что-то я тогда записал карандашом:

12 сентября 1941 года

На Невском Малый зал филармонии – все витрины зашиты досками. То же в Доме книги

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru и следующих домах. Прохожие с чемоданами, колясками – это те, кто ушел из Детского Села, из Александровки. Идут с окраин Кировского района. Мешки за плечами. Идут по всем улицам. По проспекту Стачек идут, по Средней Рогатке, Московскому проспекту... Идут в Ленинград беженцы из пригородов. Куда идут, к кому идут – знать не знают, но бегут от немцев.

Трамваи едут переполненные.

Непрерывные воздушные тревоги, бомбежка, пожары. Разрушена канализация, водопровод, огромные лужи на мостовых.

Опубликованы фотографии. Впервые я вижу их. Ополченцы, части Красной Армии. Я ищу на этих фотографиях знакомых... ищу себя... – нет.

Танк на Невском проспекте, тридцатьчетверка. Откуда?

На Шпалерной дом Шереметевский. Витрины доверху заложены аккуратно мешками с песком.

10 октября 1941 года – первый мороз.

Декабрь. Несмотря на мороз, на Невском всегда люди.

Малый зал филармонии. Дом разбит, зияет на все 3 этажа брешь от бомбы. Дом рассечен как бы надвое, по левую и по правую стороны живут и продолжают работать.

12 января 1942 года – 33 градуса. На улицах людей много. Все идут

с саночками, везут, кто-то везет швейную машину, наверное, на черный рынок. Укутаны кто во что горазд. Толкучка у Кузнечного рынка. На хлеб меняют мыло, спички, свечи, дрова маленькими связками. Спички 10 рублей за коробку. Масла почти нет.

Трупы везут на санках. Санки по двое связаны так, чтобы труп лежал во весь рост.

На санях везут по несколько бидонов воды для столовой.

На Невском всегда много людей, даже в морозы, даже утром, вечером. Тащат санки с дровами. Продают связки дров. Санки за плечами, как мешки.

Пришла машина за трупами. Выносят их из жилого дома, собирают по квартирам.

На Финляндском вокзале полно ожидающих эвакуации.

Пожар жилого дома. Успели вынести стулья, столы, картины, кровати.

Снимок. Общегородское собрание управхозов. Вот у них у всех физиономии круглые, что-то не видно дистрофиков.

Апрель 1942 года

Объявление – “желающие эвакуироваться должны явиться по адресу такому-то. Последние эшелоны уходят 6, 7, 8 апреля”. Эвакуация идет изо всех сил, потому что Дорога жизни тает.

Около Волкова кладбища весной сотни трупов, не довезенных, не похороненных.

Стирают белье на фонтанке.

Вокруг Финляндского вокзала на своих узлах, с чайниками, кастрюлями сидят в ожидании эшелонов.

Трупы везут на листах фанеры. Трупы узенькие, сухонькие, как подростки.

Группа детей из детского сада на прогулке.

Все улицы в центре – это барахолка. Мебель, посуда, книги... – все, что можно

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru держать на руках.

По Загородному идет трамвай, который тащит паровоз.

У Летнего сада на набережной стоят военные корабли.

Что за товары?... Не поймешь... Коньки?... Санки! Продают санки детские. Санки, конечно, всем нужны.

По некоторым лицам (вот в столовой) видно – кто жилец, кто нежилец.

Американское продовольствие на складе в р-не Осиновца. “BACON”. Огромные ящики, целые коридоры.

Забор перегораживает улицу: “ОПАСНО! Неразорвавшаяся бомба”.

Несут раненую на носилках бойцы МПВО.

1943 год, май

Моряки-балтийцы разбирают разрушенное здание. Убирают трупы убитых возле Елисеевского магазина. Несла свеклу, редиску, убили, лежит, обхватив руками эту свеклу.

8 августа 1943 года

Сильный артобстрел. Всюду трупы. Пожарные смывают кровь с мостовой.

Снаряд попал в больницу – все перековеркал, всех, лежавших на койках.

Плакаты: “Уничтожить немецкое чудовище!”, “Выше знамя Ленина-Сталина!”.

Жуков и Эйзенхауэр едут в машине по Ленинграду.

* * *

Знаменитый Шартрский собор. Тринадцатый век. Или двенадцатый. Чудо архитектуры. Кто его соорудил? Чей проект? Чьи витражи? Чьи фигуры апостолов? Неизвестно. Нет авторов, нет подписей. Собор Св. Вита, Нотр-Дам де Пари. Тоже имен мало.

Великие храмы анонимны. Они строились десятками лет. Из поколения в поколение переходила стройка. Замысел не искажался, он развивался. Искусство приобретало независимость от моды. Личная слава не беспокоила авторов. Им надо было возвести храм во славу Господа, возвысить человека, его веру.

Подпись появляется много позже. Авторы претендуют на индивидуальность, индивидуальность на славу. Она влечет непохожесть. Оригинальность во что бы то ни стало. Личность художника расцветает, но что происходит

с божественным началом?

В Германии на могилах неизвестных солдат написано: “Имя его известно Богу”. Средневековый художник знал, что имя его известно Богу. С Богом были особые, личные отношения. Они давно утрачены, стали малопонятны.

Блокада

Приказ фюрера выглядел для немцев абсурдным. С такими потерями, напрягая все силы, проведя ряд удачных операций, добраться до цели, до питерских окраин, и остановиться. Отказаться от всяких попыток войти в город. Почему? Никто не понимал.

Блокада, план удушения голодом – это никак не отвечало настроению командования вермахта.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru “В блокаду погибло почти в два раза больше ленинградцев, чем все гражданские потери Германии от бомбежек” (Йорк Ганценмюллер. “Второстепенный театр военных действий”).

Немецкие школьные учебники восхваляют наступательные действия вермахта, и ничего там нет о голодном изморе Ленинграда. Он упомянут лишь как направление.

Историки после войны представляют блокаду как обычную осаду. Эти защищались, эти осаждали, как всегда. На самом деле, трагедия Ленинграда происходила на глазах у немецкого солдата и офицера. Они знали про ужасы голода, про людоедство. На самом деле, военные сознательно следовали политике национал-социалистов об уничтожении советского народа.

Бедный немецкий солдат у немецких историков выглядит жертвой. Он жертва, а не блокадник.

* * *

Советская жизнь богата событиями необычайными, увлекательными, но бедна мемуарами. А если отбирать мемуары хотя бы пристойные, без наглого вранья, то и вовсе мало останется.

* * *

Можно жить преспокойно, если считать горизонт пределом мира.

* * *

Вода благоразумно принимает форму сосуда.

День победы

Девятого мая с Марсова поля мы спешили на площадь Стачек поспеть застать своих из Народного ополчения. До позднего вечера ходили по пивным, буфетам пьяными компаниями. Объятые родственной нежностью к саперам, медикам, морякам, к тем, кто нас спасал, к тем, кого мы спасали.

Гуляй, братва уцелевшая! Ах, ишо, ишо, ишо, чтобы стало хорошо! Незаконченные, недобитые, контуженые, уже ненужные!

Инвалидов не хватало на тех праздниках, самоваров-самокатов, на деревянных тележечках, культы вместо ног, вместо рук – обруб, от них город очистили, отправили всех подальше, куда-нибудь на Валаам. Кого встречали – обнимали, угощали.

Победа должна быть красавицей. Но мы почему-то про геройские свои дела не хвалились, травили окопную залепуху. Чего только не наслушался я. Опять, дурья моя голова – не записывал.

Ходить любили втроем: Лева Игнатов, Дон Бульжкин и я. Старшим по званию был Бульжкин, инженер-полковник, кадровик, всю войну связью дивизионной, армейской занимался – радио, линейной, прополз вдоль проводов до самой Германии. Играл на гитаре, пел самоделку фронтовую, блатную песню, был душой в любой компании. Под стать ему был и Игнатов, подполковник, орденов поменьше, зато голосом зычнее. Он до сих пор служил, преподавал железнодорожным войскам. С этими заводилами быстро обрастали компанией. В один из Дней Победы ввалились толпой к Литвинову, моему комбату, где шло свое застолье.

Литвинов кончал войну полковником. Для кадровика, да при его способностях,

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru достижение не большое. Слишком берег солдат в ущерб своей карьере. Все ему не хватало артприкрытий, без конца проверял, как саперы расчищали проходы. Кичился тем, что потеря у него меньше, чем у других. Эти другие и несли его как могли.

Может, поэтому после войны не захотел он оставаться в армии. Построил себе домик на берегу Чудского озера, завел огород, рыбачил. Места хорошие,

а главное, в войну облезил он тут каждый овражек, взламывая немецкую оборону. Местные власти, однако, никаких льгот освободителю не предоставили. Замучили его, требуя справки, бумажки. Беда его была в том, как пояснил мне местный начальник, – “непьющий он, усидеть бы с нужными людьми две-три банки, а то заносится, победитель, туха недогребанная!” В конце концов, пробил себе полдомика, на целый денег не хватило. Доживал, положив на все регалии-привилегии.

* * *

Паустовского они звали “Паус”. Звали его так в их компании, а компания была такая – Гайдар, фраерман, был там Марьямов, был там и Бабель. Паус (Паустовский) был замечательный рассказчик, что я сам подтверждаю (я, Гранин), так вот, Паустовский, Паус, уводил от них своими рассказами самых красивых женщин.

* * *

Моцарт и Паганини работали с трех лет, художник Валентин Серов – с четырех.

* * *

У меня было много обидных неудач. Задумал я построить в Санкт-Петербурге Триумфальные ворота в честь Победы в Великой Отечественной войне. Оказывается, в 1945 году такие ворота были сооружены. Трое ворот. Через них в город возвращались войска Победителей. Сделали их наспех, но красиво, по проектам архитекторов Никольского, Гегелло. Сделаны были из фанеры, временные, их вскоре разобрали. В архиве я нашел фотографии ворот. Видно, как через них возвращаются в город солдаты.

Я обратился к мэру города Валентине Матвиенко: “Давайте восстановим ворота. Наиболее удачный из них вариант. Тем более, что у нас нет ни одного памятника Победе в ВОВ 1945 года”.

* * *

Толстой обрушился на “Короля Лира” как титан, а если бы Шекспир напал на “Анну Каренину”? Битва титанов – это было бы будь здоров!

* * *

Милосердие выше справедливости? Так ли это?

* * *

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Попробуйте растолковать школьнику, что за штука – “красный уголок”. Легче он поймет – “Лобное место”. Между тем “красные уголки” имелись почти на каждом заводе, фабрике. Там висели портреты вождей, лежали подшивки газет, были графики выполнения плана, брошюры, фотографии ударников. Кто такой ударник? А рвач, а бракодел?

* * *

Эшелон наш был переполнен. Июль 1941 года. Был ли он обеспечен защитой от авиации, прикрытием, хотя бы маскировкой – не знаю. Мы ехали на фронт. Кировский полк 1ДНО (Дивизия Народного ополчения). Пели песни, играли в карты. Выпивали, многие захватили с собою. Были бутерброды домашние, курицы жареные, огурцы. Словно на пикник собрались, как-то не думалось, что едем воевать без оружия. У меня была бутылка с зажигательной смесью. Потом их почему-то называли “коктейль Молотова”. Было в роте несколько учебных винтовок. И все. Оказалось, настоящих винтовок для ополчения нет. Гранат нет. Дали на полк пулеметы, станковые и ручные, а сколько – не знаю.

Винтовки и патроны появились по ходу боев. Подвозили их, что ли?

С первых же бомбежек пыл наш сменился злостью. Мы шли воевать, но воевать было нечем. “Грудью отстоим Ленинград!” Так и получилось – грудью. Александр Матросов совершил подвиг. Закрыв собою пулемет. Вероятно, таки было. А чего оставалось, когда они строчат из пулеметов, а наши сорокапятки не могут заткнуть их, не могут выбить их, не могут остановить их танки. В геройствах тех дней было отчаяние, от безысходности, хоть бы гранаты противотанковые, хоть бы иметь бронебойные пули, хоть бы ружья противотанковые. Все это появилось позже, позже, а весь июль мы то драпали, то отступали, “отходили на запасные позиции”, оставляя горы трупов.

Среди хаоса, позора поражений 1941 года выделяется трагедия дивизии Народного ополчения. С первых дней войны тысячи ленинградских рабочих, учителей, инженеров, студентов пошли в ополчение. Их ничему не успели обучить. Безоружные, они врукопашную противостояли мотопехоте, бросались под танки. На всем пути нашего отступления была и паника, и бегство, но все же ополчение сумело задержать наступление танковых колонн Манштейна к Ленинграду. Ценой чудовищных потерь планы немецкого командования были сорваны. Не противотанковые рвы, не доты укрепрайонов останавливали противника, а ярость, отчаяние, безвыходность.

Первые недели войны пропахли дымом пожарищ, вонью тола. Разбитые деревни, бегущее пламя горящих полей. Я не могу осуждать тех, кто прятался

в лесах, спасался самострелами, даже тех, кто сдавался в плен. За что их осуждать, за что – присягу нарушили? Не они присягу нарушили, нарушили те, кто подставил нас под огонь, кто уступил наше небо “юнкерсам”, нашу землю – немецким танкам. Куда подевались наши танки – КВ, тридцатьчетверки, наши орудия, снаряды?... Все было – и вдруг ничего не стало.

Спустя годы, разглядывая те знойные июль и август 1941 года, я видел, как нас “кинули”. Самым подлым образом обманули, подставили:

Но от тайги до британских морей

Красная Армия всех сильнее!

Где-то под деревней Самокражей, когда мы побежали, нас стал останавливать Подрезов, начальник политотдела дивизии. Размахивая наганом, он гнал нас обратно в окопы.

Дрогнули мы от криков “окружают!” – главного страха тех дней – и побежали. Тут-то и появился Подрезов, начальник политотдела дивизии, огромный, плечистый, в накинутах плащ-палатке. Картину эту я запомнил на всю жизнь. Шел дождь, первый настоящий дождь того военного лета. Подрезов матерился, останавливал, загонял нас назад, в окопы, он и меня схватил за гимнастерку, швырнул туда, в сторону

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru покинутых окопов. Кто-то из бегущих налетел на него, попал в его раскинутые руки, этот увернулся, ударил его прикладом в грудь и побежал дальше.

* * *

Смотреть на нее было не скучно, просто смотреть. Все время что-то менялось в ее лице. От нее пахло то снегом, то палым листом, а то молоком, как от ребеночка.

Из лабораторных записей

– Понимаешь, я вроде нормальный мужик, без этой интеллигентщины,

а вот не люблю ни похабщины, ни матерщины. Откуда это во мне, ума не приложу. А у нас без матюков хана, ничего не пробить. Валюта, конечно, это – спирт. Я держу его на крайний случай для работяг, чтобы они давали нам инструмент.

– Существует больше сотни теорий грозы и сто тридцать теорий атмосферного электричества. У каждой есть статьи и диссертации. Поэтому не хер орать на меня. Ты только одной занят, а я уже навидался вашего брата, все кандидаты, у каждого своя заморочка. Один занят туманами, другой градом, третий грозой, четвертый снегопадом, все воздействуют, поди докажи, отчего град пошел, отчего кончился, может, мы и ни при чем.

– Живет себе облако, откуда оно взялось – не знаем, чем питается – не знаем, почему кончилось – неизвестно. Ничего не знаем.

* * *

Как известно, ленинградская блокада стала символом стойкости в истории не только Отечественной, но и Второй мировой войны. Блокада овеяна ореолом героизма защитников города, врага не пустили, и 900 дней блокады показали, что город выдержал невиданную, неслыханную осаду, несмотря на все лишения и голод.

Для меня всегда было непонятно, что на самом деле произошло под Ленинградом.

17 сентября 1941 года, надеюсь, что память мне не изменяет, я с остатками своего полка 1ДНО отступил из Пушкина в Ленинград. Мы вышли на рассвете, где-то в 5 часов утра, получив приказ отойти из района расположения дворца. Наш штаб полка находился в Камероновой галерее. К тому времени немецкие автоматчики уже занимали парк, они обстреливали галерею, расположения всех рот. Одна за другой роты покидали свои позиции, отходя к дворцу. С правого и с левого флангов, вероятно, никаких частей наших уже не было. Во всяком случае, получив приказ, мы эвакуировали раненых, и остатки полка организованно отходили по шоссе в направлении Шушар. Дойдя до Пулково, мы подверглись налету немецкой авиации. Спустились в низину Шушар, и я увидел, как немецкие эскадрильи одна за другой обстреливали людей, которые шли, бежали к городу. Это были беженцы из пригородов и остатки частей вроде нас.

Колонна подошла к Пулково, и я увидел, как внизу по всему полю

к Ленинграду идут такие же колонны, отряды, группы и одиночки. Тысячи и тысячи солдат стекались в город. Было понятно, что фронт рухнул. По крайней мере, юго-западный участок прорван. Не видно было никакой попытки остановить эти массы отступающих. Куда они стремились? Как будто город был убежищем. Показались немецкие самолеты. Десятки, а может, сотни. В поле негде было укрыться. Ни окопов, ни щелей, открытое пространство, на котором отчетливо виден каждый. Свинцовые очереди штурмовиков полосовали почти без промаха. Сбрасывали небольшие бомбы, сыпали их беспорядочно, благо любая настигала. Настигла и меня, взрыв подбросил, я шмякнулся

о землю так, что отключился. Когда очнулся, наша колонна разбежалась.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Перебежками, а потом уже просто пешим образом я дошел до Средней Рогатки, до трамвайного кольца, сел на трамвай и поехал к дому. Все было ясно, немцы на наших спинах войдут в город.

Меня поразило, что на всем пути не было никаких заградотрядов, никаких наших воинских частей, никто не останавливал отступающих, впечатление было такое, что город настуже открыт. Через день, придя в штаб Народного ополчения, я получил направление в отдельный артпульбат укрепрайона, он занимал позицию перед Пушкином, в Шушарах. Там я и воевал вплоть до конца зимы 1942 года (292-й артпульбат 2-го укрепрайона).

Но с тех пор меня томит загадка – этот день 17 сентября, когда город был абсолютно не защищен со стороны Шушар и немцы спокойно могли войти в него. Пустые доты, покинутые баррикады. Почему они не вошли?

Не знаю, как выглядела оборона города на этом участке 15, 16 сентября и что было 18 сентября. Запечатлелся навсегда день 17 сентября 1941 года, страшный день открытого, беззащитного города.

Только позже, уже пребывая в укрепрайоне, мы увидели, как налаживается оборона, появились подразделения на пути на участке Пулковско-Шушары.

После войны, много позже, я пытался выяснить, что же происходило

в сентябре месяце, почему немцы не вошли в город? Почему не воспользовались случаем войти в Ленинград, не встречая никакого сопротивления?

18 сентября фон Лееб, командующий 18-й армией, записывает: “Павловск взят нашими войсками. Таким образом, весь район, включая сегодняшний дальний рубеж окружения находится в наших руках”. Павловск, значит, и Пушкин. А дальше к городу никакой серьезной обороны нет, и это было, очевидно, ясно командованию 18-й армии.

Что же произошло?

Как ни странно, ответы на этот вопрос стали появляться лишь спустя 60 лет, в последние годы в Германии, а затем и в России. В нашей историографии считалось, что сентябрьское противостояние завершилось истощением немецких войск, большими потерями благодаря героизму частей Красной Армии и частей Народного ополчения. Советские историки впервые привлекли неизвестные нам до этого документы Хортвига Польмана (бывший офицер вермахта) – книга “900 дней боев за Ленинград”.

У нас что писали? В книге, изданной в 2004 году, “Блокада Ленинграда” – цитирую: “В результате ожесточенных боев и сражений осенне-летней кампании 1941 года гитлеровский план молниеносного захвата Ленинграда был сорван”. И в других трудах повторяется: “Немцы были остановлены”.

Где? Когда? Кем? Что бы я ни читал, я не могу отделаться от той картины, которая предстала передо мной 17 сентября 1941 года.

Только в самые последние 2-3 года удалось мне узнать, что в дневниках фон Лееба и начальника Генштаба Гальдера говорится и о том, что препятствовал вторжению в город немецких войск прежде всего сам Гитлер. Инициатором был Гальдер, ему, очевидно, удалось уговорить Гитлера, и, несмотря на сопротивление фронтовых генералов, приказ о вхождении в город немецких подразделений отдан не был. Потом наступление было запрещено, а затем

4-я Танковая группа была с Ленинградского фронта отправлена под Москву. Лееб не получил команды войти в город, и осаждающие войска вермахта перешли к осаде, к удушению Ленинграда голодом. Очевидно, рассчитывали на то, что город сам должен сдаться. Но даже и в этом случае не знали: что делать

с населением? Отпустить? Добить голодом?

В результате дело свелось для немцев к бесчеловечной задаче: удушить население города голодом. Не рассматривался даже вариант капитуляции. Никаких переговоров, не принимать сдачи...

Почему Гитлер принял такое решение?

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Какие были у него мотивировки?

Что творилось в немецком Генштабе?

Неизвестно.

Пока что ни наши, ни немецкие историки не имеют ясного ответа.

* * *

В тот, 1941 год война была для нас священной. Мы хотели освободить свою родину от оккупантов. Не знаю, кто придумал лозунг “Смерть немецким оккупантам!”, но он стал нашим идейным знаменем. Не изгнать оккупантов,

а убить. Война к концу 1941 года повернулась на уничтожение. Когда гитлеровская программа уничтожения славян дошла до нас, война перешла на убиение. Мы тоже будем уничтожать. “Смерть немецким оккупантам!”

Это было не трудно, поскольку немецкие солдаты стали для нас лишь движущимися мишенями. Мы стреляли в них всю зиму 1941–1942 годов, не видя их лиц, они исчезали за бруствером, неизвестно, убитые или прятавшиеся от пуль. Примерно как фигурки в ярмарочном тире. Зато наши убитые были люди.

* * *

Мы вышли на солнечную проталину. Посреди нее на бледно-зеленом мху лежал труп лейтенанта, голова его была забинтована, в руке пистолет, он застрелился. Желтые прокуренные пальцы разжались. Лицо его было поклевано. Перед тем как похоронить, двое наших разыграли его яловые сапоги.

Я не возражал. Ботинки наши прохудились. Копать могилу не хватало сил, нечем было рубить сплетенные корни. Закидали труп ветками, поставили колышек.

Без вести пропавший

Мой друг Вадим Пушкарев отправился на войну артиллеристом в июне 1941-го. Он был в числе тех тысяч, которые начали пропадать в первые же дни войны. Что значит “пропадать”? “Пропавшие” – это люди, которых постигла судьба, разворачивавшаяся на моих глазах, когда мы отступали

(а грубо говоря, драпали) от эстонских рубежей в глубь Ленинградской области, на Северо-Западный фронт.

Вадим пропал в боях, кажется, где-то под Урицком. Впоследствии многие попытки узнать о его судьбе были безуспешны. Я только знал, что его семье, как семьям всех без вести пропавших, не полагалось ничего – ни пенсий, ни льгот. Их лишали аттестатов так же, как семьи военнопленных. Эти вообще становились второсортными людьми. Один из наших вождей предлагал семьи военнопленных подвергать репрессиям. Между тем в плен попадали в 1941 году целые дивизии, более того – армии. В 1941-м попали в плен и пропали без вести почти 2,5 миллиона человек.

Нас косили штурмовики, гнали танки, нас рвали минами, снарядами, мы бежали, оставляя в окопах убитых и умирающих. Когда успевали, мы еще кое-как сваливали трупы во рвы, присыпали землей. Уже после войны я часто видел во сне, как хоронил Вадима, хоронил других своих друзей-однополчан – Мишу, Володю, скидывал их в общую траншею.

Пропавшие без вести... Да и откуда получить вести, если рядом почти никого не оставалось? А те, кто остались, на следующий день или через неделю уходили туда же – в безвестье. Молодым парням тогда оставалось жизни

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru в среднем по неделе.

Уже после войны нас убеждали, что среди без вести пропавших могли быть перебежчики, уходившие к немцам. Сама возможность такого подозрения уже зачисляла исчезнувших в изменники, предполагала наказание задним числом, даже после войны. Их и наказывали – беспамятством и лишением послежизненных прав. Между тем только на нашем Северо-Западном фронте только за шесть месяцев 1941 года попало в плен и пропало без вести 150 тысяч человек.

Плен по тогдашним советским понятиям становился позором: попал в плен – трус и изменник, по всем понятиям и требованиям того времени ты должен

был покончить с собой – только не плен. И никто не считался с тем, что миллионы солдат попадали в окружение не по своей вине. Осенью 1941 года окружением под Вязьмой “прославились” 37 дивизий, целые части и подразделения с вооружением, штабами и генералами, многочисленными танковыми бригадами, лишь половине из которых удалось вырваться из вражеского кольца. В “Брянском котле” попали

в плен и пропали без вести 190 тысяч бойцов. Эти цифры – свидетельство не трусости солдат, а просчетов командования. Солдат тут был ни при чем. В любой войне были и будут военнопленные...

Недавно в одной из наших газет я увидел фотографию: родные и близкие встречают вернувшегося из плена солдата. С какой радостью и восторгом бегут они ему навстречу! Бегут навстречу американскому солдату: снимок сделан

в Америке.

В США к военнопленным относятся как к людям, которые пострадали, претерпели лишения и невзгоды во вражеском плену. На родине их встречают торжественно, с почетом – все, вплоть до президента. В США бывших военнопленных награждают орденами, есть специальная медаль военнопленным. Есть уважение общества. Общество отдает должное этим солдатам.

И во Франции плен засчитывается как время, “проведенное в условиях войны”. Бывшие военнопленные могут выйти на пенсию раньше положенных 65 лет, имеют надбавки к ней, скидки на проезд по железной дороге, усиленное медицинское обслуживание, комфорт в пенсионных домах и тому подобное.

Но что интересно! Нечто подобное было и у нас в России, в царской армии. Цитирую дореволюционное “Положение о военнопленных”: “Воинские чины, взятые в плен, по прибытии из плена получают... жалованье со дня последнего довольствия на службе за все время нахождения в плену... Семейство их получает половину того содержания, какое их главы получали на службе в день взятия в плен, вплоть до возвращения из плена, или назначение пенсии в случае смерти в плену”.

У нас же семьи военнопленных становились бесправными. Я уж не говорю о том моральном терроре, которому они подвергались. В этом смысле ужасна наша неблагодарность по отношению к сотням тысяч безвинно попавших

в плен солдат, неблагодарность, которая длится до сих пор. Мы никак не можем отдать должное им, участникам Великой Отечественной войны, даже спустя столько лет отказываем им в праве на это звание...

Да, Великая Отечественная война была действительно Великой. И величие ее измеряется не тем, сколько наших людей погибло в этой войне (а эти потери мы до сих пор ощущаем!). Ее величие в том, что, несмотря на, казалось бы, полное поражение в первые месяцы войны, ужас потери огромных территорий, страна сумела за короткое время восстановить военную промышленность, обрести новую армию, которая остановила немецкие войска, отстояла Москву, Ленинград и перешла в наступление...

Я уцелел после ленинградской мясорубки, успел окончить танковое училище. Так вот, когда мы, его выпускники, получали танки в Челябинске, я видел это чудо возрождения. Это было действительно чудо: подростки, полуголодные рабочие выпускали десятки, сотни танков в неслыханных условиях, в обледенелых цехах.

Наша армия освобождала одну за другой европейские страны. Нас встречали

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru действительно с радостью, как освободителей. Но, может быть, солдатам больше всего хотелось вернуться домой, потому что наступало время Победы: враг был сломлен, и Родину мы отстаивали.

Я до сих пор не знаю, нужно ли было нам, например, входить в Польшу. Для меня, как для солдата, беда и боль состояла в том, что, перейдя границу, по-прежнему продолжали гибнуть мои однополчане. А ведь главное было сделано – мы освободили Отечество, и война закончилась, Отечественная. Мой кругозор, конечно, ограничен моей ротой, моим полком, моими однополчанами. Но он не ограничен гибелью моих однополчан, которые продолжались уже на полях Европы.

Сегодня, спустя шестьдесят с лишним лет, мы многое видим иначе. Где она, благодарность европейских стран, европейских столиц, которые нас встречали, казалось бы, с такой радостью? Да, мы были для них освободителями. Но... не ушли. Стали командовать, наводить свои порядки. Из освободителей стали поработителями.

Михаил Кутузов хотел закончить Отечественную войну 1812 года изгнанием Наполеона за пределы Отечества. Возможно, в этом была дальновидность великого полководца. Между прочим, преследуя врага, Кутузов дошел до Польши и умер на походной кровати в Болеславце, там и похоронен. Но сердце его все же вернулось на Родину и упокоилось в Казанском соборе Петербурга. Однако какой круг проделала история! В том же Болеславце уже после 9 мая 1945 года появилось большое кладбище советских солдат. Все даты смерти на ухоженных надгробиях – после 9 мая. Война закончилась, а солдаты продолжали гибнуть.

Немец уже был сломлен. Почему же мы не дали народам самим решать свою судьбу? Торжество имперского мышления, причем не только советского, сталинского, но и наших союзников по антигитлеровской коалиции. В Берлин хотели войти все.

Да, был солдатский порыв добить врага в его логове, отомстить за поругание Родины и родных. Но солдатское мышление прямолинейно, в нем есть своя правда и есть неправда. Если это чисто эмоциональное чувство, жажда мести – это еще не есть высшая мудрость. Им-то и должна противостоять политическая дальновидность военачальников и политиков. Но какая стратегия стояла за

300 тысячами солдатских жизней, беспощадно и неоправданно положенных под Берлином за неделю до его окончательного падения? Наши солдаты погибли накануне Победы. С момента перехода границы все должно было измеряться возможными потерями живой силы. Одно дело, когда мы спасали свою страну,

а дальше наши действия решала цена человеческой жизни и только она.

Особая тема для разговора в годовщину Победы – воинские кладбища

и памятники. В эти праздничные дни невольно думается о проблеме благодарности и неблагодарности. Наверное, существует бремя истории. Мы расставили по всей стране штампованные памятники и обелиски – отделались. Раз в году, в День Победы, к ним несут цветы и венки с трогательными надписями. Но удручают эти гипсовые автоматчики, солдаты с отбитыми руками. Убогие изображения нашей признательности.

Конечно, может возникнуть вопрос: было бы лучше, если бы их вообще не было? Не знаю. Может быть, на их месте давно следовало поставить простые мемориальные камни-валуны с поименными надписями. А пока что эти кладбища незаметно исчезают с нашей земли. Так, снесено кладбище нашего батальона под Пулково. И кладбище, которое оставалось где-то в районе Тильзита.

Во Франции я был на воинских кладбищах. Там в идеальном порядке содержатся могилы не только французских, но английских и американских солдат. Хотелось бы, чтобы празднование Дня Победы у нас ознаменовалось заботой о подобных мемориальных знаках нашей благодарности погибшим, чтобы они выглядели достойно. Память о Великой Победе на самом деле заслуживает куда большего.

Проблема беспамятства – это нравственная проблема нашей жизни. Я не знаю ни одного массового захоронения русских солдат, погибших в Первую мировую войну. Они есть в Гамбурге, других европейских городах, в России их нет. В каждом нашем малом городке, в каждой деревне были ушедшие на войну и погибшие там солдаты. Теперь уже имена не всех земляков можно восстановить. И все же следовало бы

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru поставить даже в небольших населенных пунктах не безымянные мемориалы, а со списками всех, кто не вернулся

с фронта. Включая и без вести пропавших. Иначе наши праздники с фейерверками и салютами выглядят фальшиво.

Наше беспамятство, а то и сознательная забывчивость давно перешагнули государственные границы. За годы нашей новой жизни мы не признали никаких ошибок. Ни ошибок, связанных с Чечней, ни ошибок, связанных с Чехословакией, Венгрией, Германией.

Мы не находим в себе мужества быть виноватыми. В том числе по отношению к военнопленным и пропавшим без вести.

* * *

Оказалось, что я стою на мосту Понте Веккио. Посреди Флоренции. Мост был точно такой, как в альбоме у Юли. Средневековый мост, уставленный ювелирными и сувенирными лавками. Под ним текла река Арно. Где-то тут под водой стояли две плотины. Они преграждали путь военным кораблям, чтобы противник не мог подойти на них к Флоренции. Это мне рассказала Юля. В альбомах Флоренция выглядела сказочно. Теперь, спустя годы, я приехал сюда. Во дворце Веккио шел конгресс. После перерыва я не вернулся на заседание. Я пошел гулять, я хотел заблудиться в этом городе. На самом деле Флоренция была еще сказочней, чем на картинках. Был воздух. Было небо. Итальянское. Были две тысячи лет истории... Столица Возрождения.

Я сошел с моста, потом вернулся. На нем мне вспоминался тот день, когда я вернулся от Юли и стал рассказывать Римме про то, что мы можем уехать в Италию. С тех пор прошло много лет. Мы с ней ни разу не вспоминали то, что произошло. Это было табу. У нас было несколько табу, из тех, что есть

в каждой семье.

Почему она решила, что нам надо отказаться от Италии? Приснилось ли ей что-то? Бывают ведь вещие сны. До нее иногда доносилась откуда-то смутная подсказка. Что-то в ней было от древнеримской пифии. Такое бывает у женщин, у мужчин нет, не бывает.

Ну а я-то почему согласился с ней и отказался от командировки? Вдруг здесь, глядя на бегущие воды Арно, я представил, как Италия вошла бы в нашу жизнь. Говорили бы по-итальянски, объездили бы ее, облазили, дочка обитальянилась. Жизнь свернула бы круто в сторону. Прощай, литература. Преуспевающий чиновник торгпредства.

По-настоящему представить такой вариант я мог, допустим, для какого-то своего героя, но не для себя. Поздно...

Какое-то сожаление о той несостоявшейся жизни звенело в воздухе. Ничего не поделаешь, за все надо платить. Размер платы я увидел, я-то увидел,

а вот Римма Италии лишилась. Вряд ли здоровье ныне позволит ей... Она заплатила за свое решение куда дороже меня. Любовь у нас была одна на двоих, а жертвовать ради нее Римме приходилось чаще. Когда-то ее на заводе уговорили вступить в партию. Потом вся фальшь партийных собраний и того, что делалось, опротивела ей раньше, чем мне. Она решила выйти из партии. Тогда это грозило неприятностями. В парткоме ее долго отговаривали, но так и не остановили. Мне ничего не рассказывала.

Мы давно с ней перестали говорить о своих чувствах, это тоже было табу. Мы просто поняли, как мы нужны друг другу.

* * *

Русская эмиграция выдержала испытания тяжелейшие. В истории ничего похожего не знаю. Миллионы необеспеченных, часто безъязыких россиян, не приспособленных ни к европейским законам, ни к порядкам, хлынули из России в Европу, Азию. Выдержали все это – нищету, скитания – с большим достоинством. Обогатили европейскую культуру. Дали миру ученых, инженеров, философов, музыкантов, художников. Буквально во всех областях проявили себя русские люди. Создали новые разделы наук. Вспомним Питирима Сорокина, Бахметьева, Тимошенко... В эмиграции окреп поэтический и критический талант Г. Адамовича, даже И. Бунин написал там, может быть, лучшую свою книгу – “Темные аллеи”.

* * *

“Благосклонный друг”, “Пользуясь Вашей благосклонностью”, “Благосклонный читатель”, “Благосклонное внимание” – милые выражения, что почти исчезли ныне, нет им места. Излишне деликатно, что ли? Или засилье деловитости нового поколения? Зачем мы лишаем себя прелести душевного языка?

Марина

Вдруг я обнаружил, что моя дочь куда умнее меня, куда более толкова, дальновидна. Наверное, это уже было давно, не замечал, потому как привык считать ее маленькой. Со школьных лет она стала бороться за свою личность. Ей не нравилось, что ее считали дочерью известного писателя. Учительница (дура) сказала ей: “Что ты себе позволяешь, а еще дочь инженера человеческих душ”.

Она выбиралась из моей тени разными способами. Например – не читала моих книг. Никогда не обсуждала со мной мои статьи, выступления. Это не было отчуждением. Чуть что – она яростно защищала меня, в ее любви я не сомневался, но ей надо было стать Мариной Герман, потом Мариной Чернышевой, иметь свою, отдельную репутацию, свой облик. Всего добивалась своими силами, своим умом. Показывала себе, мне и всем, чего она сама стоит. Моим именем старалась не пользоваться. Узнавали, что она дочь Гранина, случайно. Не от нее. Наверное, я не столько помогал ей, сколько мешал, но она никогда не жаловалась. Примерно тот же путь прошел и внук. Мы понятия не имеем, как тяжело нашим детям добывать себя.

* * *

Научное познание не знает, к чему придет, что там, на вершине, куда оно стремится. Вот почему для человечества ныне важнее, чем открытие новых и новых научных истин, стремление познать, как нравственно улучшить человека, поднять его душу.

* * *

Сегодня мы уже не можем просто повторять жизнь своих предков, тем более нашего поколения. Мы, советские люди, были без инициативы. Все решения принимали за нас – от правительства до парткома. Президиум каждого собрания и то нам не доверяли избрать. Преподносили список. Все было расписано. Мы были статисты. Все газеты, все каналы сообщали единое мнение. Политические обозреватели сходились в своих оценках. Везде царил единодушие, единомыслие. Самостоятельно думать не нужно. Оставалось немного – сообразить, где чего достать, или изловчиться так, чтобы мне, моей семье было лучше.

* * *

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Тимофеев-Ресовский только перед смертью признался своему сотруднику Шнолю, что открытие, связанное с радиационной генетикой, принадлежит ему, а не Кольцову, хотя всегда приписывал это Кольцову. Так же, как Кольцов приписывал открытие матричной репродукции Коллю.

Оба они таким образом отдавали свое своим учителям.

* * *

Ко мне обратились мои однополчане по 42-й армии:

– Как это так, блокадников приравнивали к нам, фронтовикам, к тем, кто воевал, все же есть разница.

Чувства их были понятны, но, подумав, я сказал им:

– Воевали мы плохо, а блокадники держались хорошо.

* * *

Открытию, связанному с кровью, как кровь доставляется к пораженному участку, академик Ю. Овчинников не дал хода, как рассказывали мне его сотрудники – затормозил. Все потому, что его не присоединили, не сделали соавтором. Те не уступали из принципа. Тогда у одного из упрямецв четыре раза делали обыск, искали спирт, якобы похищенный из лаборатории. Не нашли. Дотравили до того, что он повесился. На то и был расчет. Второго исключили из партии. Сам Овчинников, директор Института, заболел, умирал, но все равно ходу работе по крови не давал до самой своей смерти.

В результате работа, нужная медицине, была заторможена, и надолго, и все трое участников схватки пострадали.

* * *

Детство было самой счастливой порой моей жизни. Не потому, что дальше было хуже. И за следующие годы благодарю судьбу, и там было много хорошего. Но детство отличалось от всей остальной жизни тем, что тогда мир казался мне устроенным для меня, я был радостью для отца и матери, я был не для кого, не было еще чувства долга, не было обязанностей, ну сопли подобрать, ну спать лечь. Детство безответственно. Это потом стали появляться обязанности по дому. Сходи. Принеси. Помой... Появилась школа, уроки, появились часы, время.

Я жил среди муравьев, травы, ягод, гусей. Я мог лежать в поле, лететь среди облаков, бежать неизвестно куда, просто мчаться, быть паровозом, автомобилем, конем. Мог заговорить с любым взрослым. Это было царство свободы. Не только наружной, но и внутренней. Я мог часами смотреть с моста в воду. Что я там видел? Подолгу простаивал в тире. Волшебным зрелищем была кузня.

Любил в детстве часами лежать на теплых бревнах плота, смотреть в воду, как играют там в рыжеватой глубине, поблескивают уклеики.

Повернешься на спину, в небе плывут облака, а кажется, что плывет мой плот. Под бревнами журчит вода, куда плывет – конечно, в дальние страны, там пальмы, пустыни, верблюды. В детских странах не было небоскребов, автострад, была страна фенимора Купера, иногда Джека Лондона – у него снежные, метельные, морозные.

Детство – это черный хлеб, теплый, пахучий, такого потом не было, он там остался, это зеленый горох, это трава под босыми ногами, это пироги с морковкой,

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru ржаные, с картошкой, это домашний квас. Куда исчезает еда нашего детства? И почему она обязательно исчезает? Маковки, постный сахар, пшенная каша с тыквой...

Столько было разного счастливого, веселого... Детство остается главным

и с годами хорошеет. Я ведь там тоже плакал, был несчастен. К счастью, это начисто забылось, осталась только прелесть той жизни. Именно жизни. Не было ни любви, ни славы, ни путешествий, ни секса, только жизнь, чистое ощущение восторга своим существованием под этим небом. Еще не осознана была ценность дружбы или счастье иметь родителей, все это позже, позже,

а там, на плоту, только я, небо, река, сладкие туманные грезы...

* * *

Рассказывал нам сын немецкого лейтенанта про своего отчима, как тот уходил на войну, как чванился, хвалился, обещал войну молниеносную, трофеи, презирал русских. Приехав в отпуск, рассказывал, какие они дикари, как бегут, как давим их танками и машинами, что всех их надо перебить. А после 1945 года стоял в очереди за супом. Вернулся из армии озлобленный, трусливый, заискивает перед всеми, врет, русскому офицеру доказывает, что всегда ненавидел Гитлера, не знал ничего о лагерях, у него друзья евреи, что он не убил ни одного русского.

* * *

Цивилизация XXI века включила четвертую скорость. Врачи лечат больных по телевидению. На концертах певцы давно уже не поют, они открывают рты, за них работает качественная запись. В газетах журналисты выступают исключительно с заказными статьями. Энциклопедии дома не нужны, есть Интернет. Стихи не нужны потому, что не содержат информации. Свидания по Интернету. Знакомства – по нему. Секс тоже иногда хорошо получается по нему. Покупки – по Интернету.

* * *

Пришел к Юрию Павловичу Герману через несколько часов после его смерти. Его жена Таня сидела, почерневшая от горя. Рядом Иосиф Хейфец, Саша Хазин, Юлий Рест. Шел какой-то нелепый разговор. Д. Данин рассказывал, что он собирает этикетки от жевательной резинки. Я подумал: а о чем надо говорить? Хорошо, что говорят о глупостях. Любые слова – не те.

* * *

Дарвинисты теперь выступают как реакционеры. Материализм стал оплотом невежества. В своей борьбе с религией дарвинисты-атеисты выглядят беспомощно.

* * *

В магазине:

- Позвольте узнать...
- Короче, папаша.

* * *

Полковник Лебединский считал, что ополченцы, то есть добровольцы, – лучшие воины, они могут сокрушить любую армию, они созданы для наступательных действий. И он предпринял несколько вылазок, сумел нащупать слабый стык в наступающих немецких дивизиях, вклиниться туда, и немцы на участке Александровки отступили. Впервые я увидел бегущих от нас немцев.

Лебединскому было за сорок. Остролицый, в очках, лицо смуглое, голос дребезжащий, неприятно жестяной, облик человека сухого, академического. Располагал он к себе ясностью своих указаний. То, что он предлагал, было понятно всем, его решения были просты, очевидны, ни у кого не вызвали сомнений.

Две недели в начале сентября немцы атаковали наши позиции... Две первые атаки мы отразили и отошли к Пушкину. У нас остался один танк КВ из приданных нам. Он стоял на окраине парка, бил по немцам из пушки, передвигался то к прудам, то от них, чтобы его не засекли.

Появился Лебединский со своим адъютантом. Он что-то растолковал танкистам и отправился обратно, в этот момент ударил снаряд, ударил в липу, которая с треском повалилась на командира. Когда мы вытащили его из-под дерева, у него оказалась вывихнута нога. Или сломана. Адъютанта тоже стукнуло по голове, тем не менее он подхватил полковника с одного бока, я – с другого, мы повели его к медикам. По дороге Лебединский давал указания адъютанту – что, где, кому делать. Среди невнятицы боя он, оказывается, представлял, что творится во всех ротах полка, кому надо помочь, кого надо поддержать огнем наших нескольких батарей.

Полководец, которого увозят с поля боя оттого, что вывихнута нога, – выглядело несерьезно. Но полковник был весь в поту от боли. Медики взялись за него, адъютанта тоже оставили у себя, потому что у него кружилась голова и тошнило, он не мог ходить. Лебединский отправил меня на КП к начальнику штаба передать распоряжения. Когда я появился на КП, там никого не было, кроме комиссара полка. Начальник штаба ушел в роту. Там его ранило. Комиссар не стал меня слушать, что-то пробормотав, исчез. Короче говоря, я остался один со связистами. Я позвонил Саше Михайлову, он был начальником политотдела дивизии. Сашу я знал по отделу главного энергетика. Мы с ним оба ухаживали за одной чертежницей, Зоей Кухарчук. Саша сказал, что постарается кого-то прислать из командиров, пока что я остаюсь за начальство на связи.

Это “пока что” продолжалось двое с лишним суток.

Всякое со мною бывало на войне, но об этих часах и минутах я старался никогда не вспоминать. фактически я командовал полком. Какие-то распоряжения Лебединского я помнил, но обстановка менялась быстро. Командиры рот что-то докладывали, требовали, я от имени Лебединского то соглашался, то отказывал, но что творится там, на переднем крае, как взаимодействуют командиры, я понятия не имел. Связь с дивизией поминутно прерывалась. Я снова звонил Михайлову, тот напомнил мне про Аркадия Гайдара, в восемнадцать лет командовал полком. “А ты байбак...” – и дальше следовала моя характеристика, вряд ли стоит ее приводить.

В 1971 году я прочитал в газете “Кировец” статью о том, как я командовал полком. Написал ее Писаревский, добросовестный журналист, который занимался историей Ленинградского ополчения. Не знаю, какими материалами он пользовался. В статье ничего не говорится о моих промахах. Можно подумать, что все выглядело вполне достойно. На самом же деле...

С передовой все настойчивее требовали поддержки, куда двигаться, следует ли ударить во фланг, обороняться дальше невозможно, отсекут, уничтожат. Где, какая рота, я плохо представлял. Я что-то орал, кому-то грозил, обещал, что вот-вот... единственная мысль, которая удерживалась в моей опухшей голове, – нельзя отсиживаться, все бойцы, которые толпятся на КП, – отсиживаются. Время от времени я выбегал наружу и гнал всех на “передок”, в роты. Какая-то команда сидела на траве, курила. Кто такие? Минометчики. Почему не стреляете? Мин не подвезли. А, отсиживаетесь! И я отправил их всех во вторую роту, которая просила помощи. Через полчаса докладывают, что мины доставили. Минометчиков нет,

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru стрелять некому. Увидел писателей. Был у нас такой взвод писателей. Где командир? Командир в политотделе дивизии, получает задание. А, отсиживаются! Вызвал молодого рослого, в очках. Кто такой? Поэт Лившиц. Назначаю вас командиром, выстроить взвод и на передовую!

В распоряжение командира первой роты, помочь эвакуировать раненых. Поэт Лившиц пытается мне объяснить, что он не умеет командовать, что их командир Семенов вот-вот вернется. А, отсиживаются! Я вытащил пистолет и направил на него. Построить взвод и шагом марш!

Сколько таких командиров потом встречал, которые не слушали никаких доводов, могли только размахивать наганом и орать.

Лившиц не испугался, да и никто не испугался, они усмехались над моей запальчивостью, над глупостью, которую я совершал, тем не менее отступить я не мог, и они понимали это.

– Потом будете писать, сейчас надо воевать. – Такова была напутственная речь, с какой я отправил их на передовую.

Голосом мучительно застенчивым Лившиц подал команду “Шагом марш!”. За всю войну я не встречал так предельно не подходящего для командирской должности человека.

Взвод не взвод, скорее, гурьба пожилых сутулых мужчин, кряхтя, переговариваясь, обреченно двинулись к дороге. К концу дня выяснилось, что ими удалось вовремя усилить разбитый центр.

Спустя двадцать лет меня, начинающего писателя, представили поэту Владимиру Лившицу. Я до этого читал его стихи, никак не сопоставляя его с тем Лившицем.

Он узнал меня, и я узнал его. Ничего он не сказал, отвернулся. Мне было бы легче, если бы он был плохой поэт, но он был неплохой поэт, и стихи его мне нравились. Теперь я был без нагана, и я ничего не представлял из себя. Невозможно было подумать, как я мог орать на этого человека. В толстых очках, с добрым застенчивым лицом, он идеально не подходил на роль командира. Как он их выстроил, куда он повел этот взвод? Об этом я никогда его не спрашивал. Потом мы подружился, но чувство вины перед ним

у меня навсегда осталось.

Вскоре я разослал всех, кто был возле КП, оставил там только двух связистов и, взяв с собою старшину из хозчасти, прихватив винтовку, отправился на передовую, ибо больше командовать было некем.

Было удовольствие, недолгое удовольствие ощутить себя просто солдатом, ползать от укрытия к укрытию, стрелять.

Плохо, что мы все знали друг друга. У трансформаторной будки я наткнулся на Казанцева, мы не ладили еще на заводе, ему не нравились терморегуляторы, которые мы устанавливали в его цеху.

– Полюбуйся, – сказал он санитарке, – кто у нас командир. Довоевались!

– Отправляйся на КП и действуй вместо меня, – сказал я.

Он сидел на земле, прислонясь к бетонной стенке, лицо его было серое, как тот бетон. Он закрыл глаза, потом открыл, посмотрел на меня с отвращением.

– Сделай хоть что-то... прикажи всем отходить ко дворцу... В сторону Камероновой галереи. Мы больше не продержимся.

Он говорил. Я выполнял. С пулеметчиками связи не было, я пошел к ним, передал распоряжение саперам, вторую роту я отвел под правое крыло дворца. Надо было выставить боевое охранение, разместить заново КП, сообщить

в штаб дивизии... Оттуда появился какой-то представитель, брать командование на себя он отказывался, что-то советовал, но больше молча неодобрительно мотал головой.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Любовь

Любовь хороша тем, что позволяет отдать сердечные силы другому. Через это ощутить себя, те залежи добра, заботливости, какие скопились. Можно осуществить лучший вариант своей натуры. Была у меня одна знакомая, вздорная ядовитая особа, злая на весь мир. Мужа ее разбил паралич. Она самоотверженно ухаживала за ним. У его постели преобразалась, светясь заботливостью, нежностью. Так продолжалось долго. Оказывается, имелась в ней такая женщина, неизвестная нам. Вне дома по-прежнему была неприятна. Но теперь, когда я знал другую, я этой все прощал.

* * *

И все-таки, что же это было?

16 сентября 1941 года четыре танковые группы получили приказ немедленно остановиться и не занимать Ленинград. Генерал Рейнхард, командуя мотоармейским корпусом, снова докладывает, что никто не мешает ему войти в город.

Он недоумевает, возмущается, как это может быть, “я не вижу причин, не желаю этого понимать!” Он криком кричит: “Если мы не войдем, мы упустим единственный шанс, мы никогда не возьмем Ленинград!”

Что произошло в Генеральном штабе, почему появился такой приказ Гитлера, какими соображениями он и его окружение руководствовались? Что-то ведь случилось, что в самый последний момент заставило остановить завершение всей операции. Как солдат, еще больше как офицер, я понимаю досаду, возмущение немецких командиров – добрались до цели, выиграли все сражения по пути, понесли немалые потери – и вот наконец уже все – открылись купола, башни города. Он виден весь, на ладони, противник отступил в панике, ворота открыты, входи. Нет! Стоп! Почему? Стоять, и все тут. Выглядит невероятно.

До того действия немецких войск считались “нормальным военным ремеслом”, начиная же с 16 сентября Гитлер приступает к политике уничтожения. Вермахт невольно становится пособником этого преступления, бесчеловечного уничтожения гражданского населения огромного европейского города. Ни

о каком рыцарском поведении немецкой армии речи быть не может, она запятнала себя чисто людоедским актом, истребляя горожан голодом, снарядами, бомбежкой. Подряд, изо дня в день, месяц за месяцем.

В ноябре 1941 года Гитлер на торжественном заседании в Берлине уже открыто признает, что он приказал взять город измором.

До этого, как утверждали немецкие историки, армия пыталась и не могла взять город.

Мне же запомнилось, что на всем протяжении блокады после сентября 1941 года, в 1942–1943 годах немцы не предпринимали никаких серьезных попыток наступления.

7 октября 1941 года вновь Йодль издает директиву верховного командования вермахта, где говорится:

“Фюрер вновь (курсив мой. – Д. Г.) принял решение не принимать капитуляции Ленинграда, как позднее Москвы (курсив мой. – Д. Г.), даже в том случае, если таковая была бы предложена противником”.

Значит, не только Ленинград не брать, но и Москву? Читатель Марк Медведев пишет мне: “...всегда говорится о блокаде Ленинграда, никогда об осаде”.

Маршал артиллерии Василий Казаков говорил в своем выступлении: “Я окончил две военные академии. Но я не понимаю, почему немцы не взяли Москву. наших войск в октябре под Москвой практически не было. Оборона не существовала. Говорят, что Сталин оставался в Москве. Не верю. Немецкие танки были в Химках. Это по прямой 16 км до Кремля. Но они дальше не пошли. Не понимаю, хоть убей”.

* * *

На производственном совещании она выступила и заявила, что называть новый сорт именем Хрущева не стоит, он сам выступал против культа, зачем же нам опять создавать культ. Стали спорить, переругались. Назавтра сообщение – Хрущева сняли. Ее вызвали в дирекцию, осторожно выясняют – значит, она информирована. Откуда? Она посмеивается. Ничего от нее не добились. Выдвинули. Повысили. И пошла она в гору.

* * *

Энгельс, стоя на страже материализма, осуждал Ньютона за его постулат божественного первого толчка.

В Вестминстерском аббатстве, стоя у могилы Ньютона, я вспомнил, как нам в институте лектор с удовольствием цитировал Энгельса: “Ньютон – это индуктивный осел”. Что это за животные, мы не знали, но Энгельс был велик и неопровержим. А что такое Ньютон, его даже не было в Советской Исторической Энциклопедии. А в соборе на памятнике было начертано: “Здесь покоится сэра Исаак Ньютон, дворянин, который почти божественным разумом первый доказал с факелом математики движение планет, пути комет и приливы океанов... Пусть смертные радуются, что существовало такое украшение рода человеческого”.

Неизвестный автор нашел правильное определение – разум божественный. В самом деле, заслуга Ньютона ни много ни мало состоит в том, что он открыл нам устройство мира. Разум для этого требовался воистину божественный. Недаром знаменитый английский поэт Поп писал:

Природы строй, ее закон

В извечной тьме таился,

и бог сказал: “Явись, Ньютон!”

И всюду свет разлился.

Открытие Ньютона всегда казалось непостижимым. До сих пор оно изумляет. Немудрено, что его озарения кажутся превыше человеческого разума, единственное, что приходит в голову, – они даны свыше, они божественного происхождения.

Александр Поп был современник Ньютона. Это интересно, современникам оценить значимость гения, его масштабы в истории науки, в искусстве нелегко, но его величие каким-то образом ощущается безошибочно. Так было с Моцартом, Бахом, так было с Пушкиным, недаром в некрологе о нем Жуковский написал: “Солнце русской поэзии закатилось”. Солнце, оно одно. Ньютон тоже был солнцем, недаром спустя 250 лет академик Вавилов считал, что без Ньютона наука развивалась бы иначе.

Рядом с Ньютоном были погребены и другие ученые: В. Томсон, Ч. Дарвин, Д. Максвелл, Уильям Гершель, Джон Гершель – все великие, замечательные, но не “божественные”.

Как-то мне пришлось читать небольшой курс лекций в Политехе и потом вести семинар. Один из студентов, отвечая, пояснял ньютоновский закон всемирного тяготения как простенькую модель – планеты ходят вокруг Солнца, как козы на привязи. Очевидная система. Помню, как раздражала его самоуверенность. Он снисходительно удивился, чего я так нахваливал Ньютона.

– На привязи, – сказал я. – А привязь где? Где веревка? Ее-то нет. Что же притягивает планеты к Солнцу? Тяготение – где оно? Чем оно действует?

Помню, как я навалился на этого парня, пусть объяснит, что есть тяготение, чем

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru оно действует сквозь миллионы километров.

* * *

Кажется, в Ульяновске, в танковом училище, я услышал и запомнил: “Есть два рода офицеров, одни – перед которыми парадным строем идут солдатские сапоги, другие – перед которыми идут солдатские сердца”.

“Мои года – мое богатство”

Жизнь, прожитая моим поколением, испытала Великую Отечественную войну, а еще финскую, войны афганскую и чеченскую. И особую, “холодную”, весьма, между прочим, тяжкую войну. Она сопровождалась множеством кампаний. Борьба с преклонением перед Западом, борьба с космополитами, с абстракционистами, с формалистами в музыке. “Убийцы в белых халатах” – это кампания против врачей. Борьба с вейсманистами-морганистами. Все кампании так или иначе касались меня, родных, близких.

Мы захватили остатки “Большого террора”, это в школьные годы, а в зрелые хлебнули “Ленинградское дело”. Каждая кампания – это не идеологические споры, увы, это инфаркты. Выгоняли с работы, высылали. 1937, 1949–1950, 1951, 1952, 1953 годы – без перерыва, дата за датой. Скрывали, что отец священник, есть родственники за границей, спрашивали национальность, происхождение – кулаки, дворяне, фабриканты.

Уникальная по насыщенности была эта жизнь. События следовали одно за другим, и все исторические, все огромные, чего стоит распад Советской империи...

* * *

Норвегия. 2007 год. Поднимались на ледник. Идут в гору сотни людей. Старые, молодые. Нескончаемый поток с утра до темноты. Ледник старый-престарый. Позеленел от древности. Все здесь тысячелетнее, и водопады, и камни. Заботливые указатели... Но что меня поразило больше всего. Больше этих величественных гор, цепких кустов, фиордов. Поразили туалеты. Всюду, в каждом, безукоризненная чистота. Бумага, мыло, горячая вода. Публичный этот туалет сохраняется в абсолютной чистоте в течение всего дня, несмотря на тысячи посетителей. Каким образом это достигается, не знаю. Разноплеменные туалеты – показатель культуры и учрежденья и народа.

Кладбища и туалеты – два типичных для каждой страны объекта.

* * *

Искусство древних греков соблюдало две заповеди – “нужна прежде всего мера” и “ничего лишнего”.

* * *

У нас если не можешь сделать лучше – делай больше, выше, ярче. Наша архитектура жлобская и бизнес жлобский.

* * *

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Памятник Рентгену, доска Эйлеру, улица Бармалеева, бывшая Халтурина, Малая Дворянская, Заячий остров и т. п. – это все следы той истории, которой нет в книгах.

* * *

Шпагой для дуэли он действовал лучше, чем мечом для битвы.

Мгновение

Его можно расширять, наполнять и наполнять, если вглядываться в него, в то, что дает нам небо, река, ветка.

Каждое мгновение полно событий и смысла. Будущее не имеет этого, оно ненаблюдаемо, прошлое упущено, пропало, замечать можно только настоящее:

На мокрой ветке

Иволга щебечет,

И чайки плавают

У островка.

Цветы совсем поникли

В этот вечер,

И стала беспокойною

Река.

Седой старик –

Варю вино из проса.

Стучится дождь

У моего окна.

Я на судьбу

Не взглядываю косо:

В уединенье

Слава не нужна.

(Перевод А. Гитовича)

Писал это Ду Фу, один из двух величайших поэтов Китая. Второй был Ли Бо. Они жили в одно время, в 700–770 годы. Стихи Ду Фу вновь и вновь переводятся. Они предельно просты, поэтому так трудны для перевода и так значимы. Ни метафор, ни сравнений. Описание. Редкие звуки. Мир тот, что видит глаз, не больше нескольких предметов.

Одиночество. Покой. Все это видеть, слышать достаточно для полноты жизни. Даже в переводе из этого описания обыденных вещей вдруг каким-то непостижимым образом возникает поэзия. Поэзия, в которой ничего не может устареть, так же как не стареет дождь и пение иволги.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

* * *

Из записей кинорежиссера И. Е. Хейфеца во время работы над сценарием по “Блокадной книге”.

“Обычное (смерть) не страшна, она – быт! Явь, как сон, а сон, как явь. Сны про хлеб, про буханки, которыми выложена улица... Дети-старички и старики, впавшие в детство. Привычная стеснительность, интуитивные отношения смещены, люди теряют ощущение пола, моются в общей бане, мочатся и испражняются на глазах друг друга.

Делят ломтик хлеба, и это длительный с подробностями, многозначительный ритуал, потому что значение этого ломтика равно значению жизни и смерти... Смерть, трупы, напротив того, обычны... Начинается самое многообещающее для фильма – все наоборот, сдвинутый с орбиты мир души. Мраморные статуи лежат, как тела мертвых, на снегу, рядом с упавшими людьми, такими же белыми и холодными, как эти статуи. У статуй по классической традиции слепые без зрачков глаза, приоткрытые рты. Кажется, они беззвучно зовут”.

Молитва для людей среднего возраста

“Господи! Я старею и скоро стану стариком. Удержи меня от фатальной привычки думать, что я должен что-то сказать по любому поводу и в любом случае. Упаси меня от стремления выправлять дела каждого. Сделай меня думающим, но не нудным, полезным, но не властным.

При запасе моей мудрости кажется обидным не использовать ее целиком, но я хочу сохранить хоть несколько друзей к концу жизни.

Сохрани мой ум от подробного изложения бесконечных деталей. Опечатай мои губы для речей о болезнях и недомоганиях. Они возрастают, и любовь повторно рассказывать о них становится с годами все слаще. Я не смею просить милости не наслаждаться рассказами о болезнях других, но помоги мне сносить их терпеливо.

Я не смею просить об улучшении памяти, но лишь о возрастающей человечности и о меньшей самоуверенности, когда кажется, что моя память столкнулась с памятью других. Преподай мне блистательный урок того, что и мне случается ошибаться.

Сохрани меня разумно приятным: я не хочу стать святым – некоторые из них слишком трудны для совместной жизни, но и кислые люди – одна из вершин творения дьявола.

Дай мне возможность видеть хорошее в неожиданном месте и неожиданные таланты в людях и дай мне силы сказать им об этом”.

“Морфолоджи”, 1975

* * *

Чего только не пели, орали во весь голос, не вдумываясь в текст, важна мелодия и те, кто рядом, а рядом такие же охламоны:

И где бы ты ни был,

и что бы ни делал –

Пред Родиной вечно в долгу!

Считалось, что это вдохновляет.

* * *

Первая книга была толстая, переплет обклеен мраморной бежевой бумагой, корешок,
Страница 50

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru тисненый золотом. Неизвестно, как называлась, я еще не умел читать. Когда научился, у нее уже не было ни переплета, ни титульного листа. Наверное, эти детали я считал ненужными. Главное были картинки. Шли караваны верблюдов, англичане были в пробковых шлемах, индейцы зачем-то в перьях.

Картинки помогали разыгрывать приключения. Для фантазии что-то надо было – иногда малость – узор на обоях... Впоследствии я искал эту книгу. Сколько раз у букинистов, роясь в развалах, я знал, что сразу узнал бы ее. Вместе с ней появился бы наш диван, синяя обивка... Из-за этой книги я стал помаленьку читать. Откуда-то были астрономические атласы. Там звезды соединялись в фигуры Стрельцов, Лебеда, Близнецов, Пегаса, Медведиц. Оказалось, что небо населено фантастическими существами. Ночью я вставал, вглядывался в небо. Никто не мог мне объяснить, почему в атласе они соединены в рисунок, а в небе рисунка нет. Звезды мерцали, подтверждая, что небо живое, там должно что-то происходить. Окажись среди семейных знакомых астроном, он мог бы поддержать интерес мальчика... Угасших интересов было немало, как у каждого ребенка.

Среди книг детства впечатление произвели две совсем разные: “Синяя Борода” и “Робинзон Крузо”. Потом “Гулливер”, но больше – когда он в стране Лилипутов. В руки попала “Капитанская дочка” Пушкина. Ее я много раз перечитывал, знал куски наизусть. Спустя годы то же самое произошло с моей дочкой, только она влюбилась в “Трех мушкетеров” и могла наизусть шпарить подряд с первой страницы. Есть какая-то потребность у детей заучивать любимое, всегда иметь при себе, как бы присваивать, точно любимую игрушку.

Страсть к чтению, чтению торопливому, “глотанию” без разбора, появилась позже, в студенческие годы, а в школьные были стихи. Есениным отболел быстро, стал выписывать себе в блокнот Тихонова:

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор – золото лимонов.

Или:

Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы...

А еще:

Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал,
Потому что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому что поселиться
В этом крае я не мог.

Какие-то строки врезались в память... Перед войной вышла книга стихов Вадима Шефнера, там было:

Но ни с каких вокзалов
В минувшее не ходят поезда.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Почему-то эти слова сопровождали меня всю войну.

В Союзе писателей я чувствовал себя белой вороной. Люди здесь знали Горация, Пруста, Лажечникова, Тагора. Писателей новейших, древних, японских, они высказывали среди разговоров, их цитировали: “Как сказал Глеб Чепонский”, “Помните старика Шенди у Стерна, как там заводят часы?” Я не помнил ни старика, ни Стерна. Почитать их всех, как-то соответствовать, было дело безнадежное. Не догнать. Даже классиков и тех не осилю. Вдруг мне пришло в голову: “А Пушкин ведь не читал Достоевского? А Достоевский Чехова не читал, а Чехов Шолохова – и что с того?” Соображение сие сильно утешило меня.

* * *

Жила-была старая женщина, жила бедно, на пенсию. Дети разъехались кто куда. Все деньги ее уходило на квартплату, не хотелось обменивать квартиру, где прожито столько счастливых лет. Но вот однажды соседи сверху упростили ее принять на сохранение их вещи. Опасаясь описи. Она согласилась. Потихоньку перенесли ей ковры. Расстелили. Повесили гобелены, роскошную люстру, картины. Все разместили понатуральней. И зажила она среди роскошной обстановки. Покоя лишилась. Прошел год, второй. Привыкла. К ней ходят ее подружки, любят. Получила наследство, как уверила она. Ей говорят: продай что-нибудь, что ты живешь на овсянке, голый чай пьешь. Она только отмахивалась. Но вот что интересно – вошла во вкус, стала получать удовольствие от картин, старинных ваз, чего-то читала про этот антиквариат.

* * *

Честертон в книге Иова обратил внимание на то, что Иов страдал не потому, что он хуже других, а потому, что он лучше.

“Ведь только дай человеку подумать, что преуспевание – награда праведности, он тут же погибнет, – писал Честертон. – Если преуспевание – награда праведности, значит оно – свидетельство праведности. Слишком трудно награждать успехом хороших людей”.

Цензура

Нашел вырезку из “Московских новостей”, услужливо присланную кем-то. Позабытая неприятность, обычно подобное я выкидывал, а эта случайно затерялась среди бумаг. 1990 год, июнь, свидетельство генерала О. Калугина:

“Не так давно на партактиве одного из подразделений КГБ под гром аплодисментов осудили Рыбакова, Шатрова, Гранина как отщепенцев, превозносящих предателей и ползучую контрреволюцию”.

Ничего себе, формулировочку приклеили. Уж не помню, как я тогда воспринял, но поскольку не впервой, то была закалка, такая у нас работа, ты им спуска давать не хочешь, и они тебе не дадут.

Тот же Олег Калугин позже написал в журнале “Новое время”, что, когда он был первым заместителем Ленинградского КГБ, происходило прослушивание телефонов – Товстоногова, Лихачева и Гранина.

Чего они там боялись, забавно вспоминать, какие это были трусливые учреждения – обкомы, райкомы и страшное КГБ с его огромным аппаратом, техникой, сетью агентов.

Все письма, какие я получал из-за границы, приходили вскрытыми. Изредка на конвертах стоял бледный лиловый штамп: “Получено в поврежденном виде”. Остальные были надорваны, вскрыты без объяснений.

Пропагандистам города на инструктажах сообщали в 1989-1990 годах, что Гранин –

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru один из самых богатых людей в СССР. В памятках агитаторам опубликовали цифру моего гонорара: в феврале, например, он получил столько-то тысяч. Это был гонорар за три года работы над “Блокадной книгой”.

Бессмысленно было жаловаться партийным начальникам на их подручных. Люди, как правило, малокультурные, лживые, они терпеть не могли интеллигенцию. Может, и попадались среди них порядочные, например, в горкоме работал Виктор Лопатников – исключение, белая ворона. Секретарь обкома Борис Андреев, в войну он был награжден двумя орденами Славы. Такую награду заработать было нелегко. Парторбота лишила его смелости, стал приспосабливаться, повторять чужие слова, стал мне однажды доказывать, что “Зубр” на самом деле книга не про Тимофеева-Ресовского, а про Сахарова, так я тайком прославляю этого антисоветчика. Он не позволял ничего самостоятельного, сразу бы вылетел за пьянство, держали, потому что был управляем.

Федя Абрамов советовал – сходи к первому, попроси себе, допустим, машину, они любят, когда их просят, потом благоволят к тем, кому оказали услугу, он вот попросил себе квартиру – и получил. Мне не хотелось, я был “не их”. Понятие неопределимое – “свой”, “не свой”. Я был всем им чужой. Феде тоже не совсем свой, но и не совсем чужой. А вот Лихачев, Товстоногов, Кушнер, Горбовский, или Твардовский, Панова, Берггольц – для них “не наши”. Граница не анкетная, но четкая. Не оппозиционность, тут другое – чужой, интеллигент, внутреннее неприятие, оно уходит в родословную – он из раскулаченных, из репрессированных, из “врагов народа”. Власть наша, слава богу, наготовили себе и обиженных, и ненавистников. Интеллигентность вызывала у них всегда аллергию, оба эти сословия нюхом, безошибочно ощущают друг друга.

* * *

“Вот вы восторгаетесь гением Пуанкаре, а между прочим, когда он умер, он оставил человечеству больше нерешенных проблем, чем когда он появился”.

“Вы, ученые, умеете быть нужными всякой власти. Знамена меняют, а вы остаетесь в первых рядах”.

(Из читательских писем)

* * *

Нильс Бор был невысокого мнения о себе, никогда не требовал почитания, шуточки в его адрес его не обижали, его не занимала проблема самолюбия.

Чехов относился к себе и к своему творчеству иронично, никогда не считал себя классиком, свои рассказы – явлением, имеющим долгий успех. “Меня будут читать еще лет восемь от силы”, – писал Чехов Суворину.

Самоирония свойственна многим гениям, хотя другим в такой же мере свойственно понимание, причем твердое, своего величия – “я памятник себе воздвиг...” Тут и Пушкин, и Маяковский.

Самоирония – одно из самых симпатичных качеств художника.

* * *

Основные психотипы нашей жизни:

1. А что, мне больше всех надо?
2. А что я могу один?
3. Все равно ничего не изменишь.

Все было не совсем так. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

4. Чем хуже, тем лучше

5. Лучше я, чем какой-нибудь подонок.

* * *

“Ненавижу Сталина за то, что стал трусливым, за то, что столько лгал, задушил свою совесть, предал себя, перестал думать, за все мои подлости, от которых корчусь до конца своих дней. За то, что должен помалкивать, когда говорят о том времени”.

* * *

Бунин писал в 1918 (?) году:

“Какое невероятное количество теперь в литературе самоуверенных наглецов, мнящих себя страшными знатоками слова! Сколько поклонников старинного (ядренного и сочного) народного языка, словечка в простоте не говорящих, изнуряющих своей архирусскостью!

Последнее начинает входить в большую моду. Сколько стихотворцев и прозаиков делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки, „словеса золотые“ и бесстыдно выдавая их за свои, оскверняя их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним похабнейшую в своем архируссизме смесь, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно”.

То же самое творится и спустя девяносто лет, надо только добавить к литературе – радио, телевидение и интернет.

* * *

Покрышкин сбил около 50 немецких самолетов, немецкий ас сбил 300 наших. У немцев были свои герои, в том числе и героические летчики. В Виттенберге в 2007 году я встретил бывшего немецкого летчика Рудольфа Томаза, живет в Гамбурге. Он рассказал мне, как в войну воевал на штурмовиках. Чтобы выполнять задания, приходилось снижаться на бреющий полет, порой метров до пятидесяти. Так что он видел, как под огнем его пулеметов падают солдаты, как стреляют в него из своих винтовок, бесшумный этот огонь.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимостъ. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!